

1/2017

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2017

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

- Hlavný redaktor: prof. PhDr. Natália Korina, CSc.
- Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
prof. PhDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
doc. Jevgenij V. Jevpak, CSc. (Kemerovo, RF)
PhDr. Marián Macho, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Eva Tučná, CSc. (Nitra, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)
- Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716
- Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 6, 2017, 1
Toto číslo vyšlo v júni 2017.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Henadz' Cychun*: Na margo lexikálnej normy v slovenčine
To the lexical norm in Slovak
- 12 *Mária Hricková*: Suffering, death and dying in Marilynne Robinson's novel *Gilead* and Leo Tolstoy's novella *The death of Ivan Ilyich*
Utrpenie, smrť a zomieranie v románe Marilynne Robinsonovej *Gilead* a v novele Leva Tolstoja *Smrť Ivana Iljiča*
- 26 *Марія Пономаренко*: Гендерна маркованість одиниць мови й мовлення: вербальний і невербальний вимір
The gender markedness of language and speech units: verbal and non-verbal dimension

ROZHL'ADY / SURVEYS

- 38 Labyrinthem próz Alberta Lichanova (*Zdeňka Matyušová*)

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 44 Vychodilová, Zdeňka a kol.: Současné ruské drama (*Marián Pčola*)
50 Петрикова, А. – Куприна, Т. – Галло, Я.: Основы межкультурной дидактики (*Елена Калечиц*)
- 55 Константинова, Даниела – Башир Гечова, Владимира: Словашки език: самоучител в диалози (*Eleonóra Zvalená*)

- 58 IN MEMORIAM

- 60 AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

NA MARGO LEXIKÁLNEJ NORMY V SLOVENČINE¹

Henadz' Cychun

ON THE MARGIN OF LEXICAL NORM IN SLOVAK

Abstract: The article runs about very close tendencies in the development of Slovak and Belarusian literary languages caused by their area basis. Area typology of Slavic languages brings a knowledge that the most appropriate basis for the literary (standard) language is a central dialectal area that mostly creates area norm. An evolution of Slovak and Belarusian literary languages confirms it. The most significant features that differ one dialectal area from another are phonetic features, but the most explicit are lexical differences. The establishment of Slovak lexical norm is illustrate in comparison with Belarusian.

Keywords: linguistic area studies, area norm, language codification, lexical norm, dialect, Slovak, Belarusian

V našom príspevku na XI. Medzinárodnom zjazde slavistov sme sa snažili preukázať, že viaceré fenomény z dejín spisovnej slovenčiny, ktoré sa týkajú jej kodifikácie a najmä lokalizácie jej areálovej bázy, majú výrazné paralely v dejinách spisovnej bieloruštiny (Цыхун, 1993, s. 18 – 19). Táto analógia nie je náhodná, ale ide o typologickú podobnosť, ktorá má korene v tzv. „stredovej“ lokalizácii oboch jazykov v zmysle súčasného slovanského prostredia. Nie je však vylúčené, že takéto umiestnenie bolo typické aj pre predchodcov obidvoch jazykov, a to už v praslovanskej dobe. Významný bieloruský jazykovedec P. Buzuk v tejto súvislosti napísal: *„Некаторыя славiсты, зьвярнуўшы ўвагу на цэнтральнае становiшча славацкай мовы сярод iншых славянскiх моваў, падкрэсьлiвалi яе цiкавасьць для мовазнаўцаў, – цiкавасьць, якая з’яўляецца вынiкам гэтага цэнтральнага становiшча ўспамянутай мовы. Але бяспрэчна, калi б для гэтых мовазнаўцаў (напр., для Флорынскага) беларуская мова ня была-б “наречием единого русскаго языка”, яны тое самае павiнны былі-б сказаць i адносна нашай*

¹ Na žiadosť autora, ktorý je významným predstaviteľom slovanskej areálovej lingvistiky a mal záujem o priblíženie jeho diela slovenskej odbornej verejnosti, bola táto štúdia preložená do slovenčiny z pôvodného textu publikovaného v bieloruštine: Цыхун, Г. А.: *Усправе лексiчнай нормы ў славацкай мове*. In: *Odrodzenie narodowe w Czechach i na Słowacji: Księga ku czci Prof. Zdzisława Niedzieli*. Mieczkowska, Halina – Orłóś, Tereza (eds.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 1999, s. 191 – 195. Preklad štúdie a v nej obsiahnutých citátov vyhotovila Natália Korina.

мовы...” (Бузык, 1927, s. 75)². Neskôr práve túto skutočnosť uviedol ako kľúčovú pre typologickú charakteristiku bieloruského jazyka v porovnaní s bulharským I. Lekov. Svoju štúdiu nazval *Porovnávací analýza bieloruského a bulharského jazyka v rámci príbuzenstva medzi dvoma jazykmi (bieloruština ako periférny severoslovanský jazyk a bulharčina ako periférny južnoslovanský a zároveň východný jazyk – spojenie starších a novších typologických špecifík)* (Леков, 1976).

Celkom zákonite sa toto postavenie slovenčiny a bieloruštiny najviac odzrkadlilo v ich lexike. Podľa F. Kopečného (Kopečný, 1981, s. 53), práve so stredovým postavením v skupine slovanských jazykov súvisí tá skutočnosť, že si slovenčina najlepšie zachovala v porovnaní s ostatnými slovanskými jazykmi najstaršiu vrstvu celoslovanskej lexiky. Zachovanie viacerých špecifických lexikálnych vzťahov bieloruského jazyka so všetkými slovanskými jazykmi nás oprávňuje tvrdiť, že v rámci hypotetického praslovanského jazykového priestoru boli „jazykovi predkovia“ Bielorusov lokalizovaní s najväčšou pravdepodobnosťou skôr v centre alebo blízko centra celej areálovej štruktúry než na jej periférii.

Podobný názor na lokalizáciu „predkov“ Slovákov nie na okraji slovanskej pravlasti, ale v jej strede prezentoval A. Habovštiak na základe kontrastívneho slovensko-slovanského lexikálneho výskumu (Habovštiak, 1981, s. 74). Týmto sa čisto mimojazykový, t. j. geografický faktor stal základom jazykovej typologickej podobnosti vo vývoji slovenského a bieloruského jazyka. Ďalej sa pokúsime ukázať, akým spôsobom sa dá metodologické nóvum získané na bieloruskom jazykovom materiáli použiť pri riešení jednotlivých otázok vývoja slovenčiny, napr. problému tvorenia lexikálnej normy v súvislosti s lokalizáciou areálovej bázy spisovnej slovenčiny. Ako vieme, areálová (územno-nárečová) báza konkrétneho slovanského jazyka sa zisťuje prenosom jeho základných charakteristík na nárečovú mapu. V závislosti od počtu vlastností použitých pri takomto prenose, môže byť teritórium spomenutej bázy alebo výrazné a kompaktné, alebo naopak, široké a tvarovo neurčité.

Najpresnejší obraz získame prenosom základných fonetických javov typických pre konkrétny spisovný jazyk, ktoré sú pravopisne kodifikované. Počet týchto základných javov nezvykne byť veľký. Napríklad pri kodifikácii spisovnej bieloruštiny autor prvej normatívnej *Bieloruskej gramatiky pre*

² „Niektorí slavisti si všimli stredové postavenie slovenčiny spomedzi ostatných slovanských jazykov a podotýkali, že práve týmto stredovým postavením je veľmi zaujímavá pre jazykovedcov. Nepochybujem však, že keby pre týchto jazykovedcov (napr. pre Florinského) nebola bieloruština ‘nárečím jednotného ruského jazyka’, povedali by to isté aj vo vzťahu k nášmu jazyku...“ V bieloruských citátoch je zachovaná pôvodná ortografia (N. K.).

školy B. Taraškevič obmedzil počet relevantných prenášaných vlastností na dve – „ćwiordaje r i wialikaje akańnie“³ (Taraškiewiç, 1918, s. 4), vďaka čomu sem zahrnul široké nárečové pásmo v strede a na severozápade Bieloruska. Ako vieme, pre spisovnú slovenčinu sa stali takouto územno-nárečovou bázou založenou prevažne na fonetických javoch stredoslovenské nárečia (Krajčovič, 1977, s. 204). Avšak na rozdiel od vzťahov medzi fonetickými normami zakotvenými v pravopise a areálovou bázou spisovného jazyka, ktoré sú viac-menej jasné (areálová báza je projekciou týchto noriem na nárečové členenie terénu), ďalšie jazykové roviny (morfologická, lexikálna a iné) vykazujú oveľa zložitejší charakter vzájomných vzťahov a súvislostí. Je to spôsobené predovšetkým menšou stabilitou lexikálnych noriem a spôsobov ich kodifikácie. Pravopisné normy sú zakotvené v špeciálnych zbierkach pravidiel (v kódexoch), v ktorých sú prípustné iba minimálne odchýlky. Morfologické normy sa vykladajú v tzv. normatívnych, resp. akademických gramatikách, kde sa uvádzajú možné varianty rôznych tvarov. Lexikálne normy sú najvýraznejšie zachytené v slovníkoch spisovného jazyka rôznych typov. Stupeň kodifikácie lexiky v normatívnych slovníkoch závisí tak od ich rozsahu a štruktúry, ako aj od lexikografickej tradície. Nazdávame sa, že najpresnejší prierez lexikálnou normou spisovného jazyka v určitej etape jej vývoja poskytujú prekladové slovníky v ich prekladovej časti, kde sa zvykne ako prvý uvádzať najneutrálnejší ekvivalent vo vzťahu k norme tohto jazyka. Ďalším a asi najšpecifickejším spôsobom zachytenia spisovnej normy sú lexikálne atlasy, v ktorých sa v názve mapy konvenčne uvádza normatívny ekvivalent. Tieto zdroje sú mimoriadne zaujímavé tým, že usúvzťažňujú normatívnu lexému s celkovým areálovým obrazom šírenia ľudových názvov pre rovnaký pojem, t. j. umožňujú sledovať vzťah lexikálnej normy k územno-nárečovej báze spisovného jazyka. Spomínaný vzťah je značne komplikovaný: na jednej strane projekcia normatívnej lexiky na mapu umožňuje presnejšie a komplexnejšie vykresliť túto bázu, avšak na druhej strane rozšírenosť konkrétnej lexémy v rámci spomenutej areálovej bázy spisovného jazyka ju uprednostňuje pred inými slovami pri jej ukotvení ako normatívnej lexémy (Цыхун, 1993, s. 10, 12 a ďalej).

Jednotlivé prípady týchto súvislostí znázorníme na materiáli dielu *Lexika* v Atlase slovenského jazyka (ASJ, 1984). Tu sa ako užitočné môžu javiť skúsenosti s výskumom podobných vzťahov na materiáli päťväzkového Lexikálneho atlasu bieloruských nárečí, ktorého vydanie trvalo do r. 1998 (ЛАНБГ). V tomto zmysle sú zaujímavé postrehy S. Tolstojovej o nárečových areáloch spisovných lexém po preskúmaní prvého dielu spomínaného

³ „Tvrde r a veľké akanie“ (N. K.).

atlasu, okrem iného záver o tom, že „литературная лексика отличается в ареальном отношении очень большим разбросом, не позволяющим пока что говорить о какой бы то ни было закономерности её географического распределения“⁴ (Толстая, 1995, s. 265). Na tomto mieste je nevyhnutná nasledujúca metodologická poznámka. Pojem zákonitost sa v lingvistike začal uplatňovať predovšetkým v historicko-porovnávacej jazykovede vo vzťahu k fonetickým paralelám, ale zriedkavejšie vo vzťahu k morfológickým javom. To svedčí o tom, že pojem zákonitost patrí do oblasti genetickej lingvistiky. Vo vzťahu k javom areálovej lingvistiky sa používa ešte od čias M. Bartoliho iný pojem, a to norma, resp. areálová norma, čo znamená, že areálová lingvistika zisťuje typické súvislosti medzi jazykovými fenoménmi. Najčastejšie formulácia týchto súvislostí zahŕňa dodatky „spravidla“, „vo väčšine prípadov“ a je možné ich potvrdiť štatisticky.

Iná situácia nastáva pri lexikálnych javoch, pretože ich početnosť a úzke prepojenie na mimojazykovú skutočnosť dovoľuje uplatniť pojem zákonitost iba s obmedzením „štatistická“, dokonca aj v takých oblastiach, akou je lexikálna typológia.

Pozrime sa teda, aké vzťahy existujú medzi lexikálnou normou a areálovým rozložením príslušných lexém na mapách lexikálneho dielu Atlasu slovenského jazyka. Najlepšiu predstavu o týchto vzťahoch poskytujú syntetické mapy na konci dielu (celkom 19), kde je zastúpených 153 izoglos zoskupených podľa základného nárečového členenia slovenského jazykového teritória (západoslovenské, stredoslovenské a východoslovenské nárečia).

Maximálna miera zovšeobecnenia výsledkov analýzy uvedeného jazykového materiálu umožňuje stanoviť nasledujúce areálové normy vzhľadom na spisovnú lexiku (lexikálnu normu).

1. Ak areál slova zahŕňa všetky tri makroareály, lexikálna norma je zastúpená spoločnou lexémou, prevažne v podobe typickej pre stredoslovenské nárečia. Porov.: *mlátiť, olúpiť (strom), gazda, kapusta, kukurica, rúbanisko, dokoráň, nádcha, šulance* a niektoré iné. Počet týchto lexém je malý, čo môže byť výsledkom vedomého výberu izolex zabezpečujúcich výrazný obraz na mape. Väčšina celoslovenských lexém, ktoré sú prevažne celoslovenské, t. j. archaické, nie je zastúpená na mapách, hoci vo všeobecnej slovnej zásobe, na čo svojho času poukazoval F. Kopečný, má v slovenčine najväčší podiel oproti iným slovanským jazykom (s výnimkou češtiny). Na mapách uvedené spisovné slová sú poväčšine areálovými inováciami, ktoré expandovali na väčšinu slovenského územia.

⁴ „Spisovná lexika sa vyznačuje značným areálovým rozptylom, ktorý je dôvodom nemožnosti zistiť akúkoľvek zákonitost jej zemepisného rozloženia.“

2. Ak areál slova je prítomný v dvoch makroareáloch slovenských nárečí, pričom jedným z nich je nutne stredoslovenský, lexikálna norma sa zvykne zhodovať so stredoslovenskou lexémou. V jednom príspevku nie je možné vymenovať všetky takéto prípady zachytené na mapách, pretože medzi 153 izoglosami majú výraznú prevahu. Pritom stredoslovensko-západoslovenské lexémy sú zastúpené takmer 1,5-krát častejšie než stredoslovensko-východoslovenské. Určité odchýlky vznikajú vtedy, keď izoglosa delí stredoslovenské nárečia na dve viac-menej rovnaké pásma, najčastejšie smerom z juhozápadu na severovýchod alebo zo severozápadu na juhovýchod. Je však otázne, ku ktorej lexéme sa prikloní spisovná norma v prípade, ak sú územne viac-menej vyrovnané. Práve v tomto prípade máme dočinenia s najvýraznejším prejavom areálovej normy. Na túto otázku je možné dať odpoveď po analýze izoglosnej mapy – konkrétne ide o mapu 6 Severostredoslovensko-západoslovenská skupina izolex oproti juhostredoslovensko-východoslovenskej skupine izolex a mapu 14 Juhostredoslovensko-západoslovenská skupina izolex oproti severostredoslovensko-východoslovenskej skupine izolex. Celkovo je na týchto mapách zastúpených 16 izolex (8 na každej). Pritom za normu sa považuje 5 severostredoslovensko-západoslovenských lexém a 5 juhostredoslovensko-západoslovenských lexém, v troch prípadoch – severostredoslovensko-východoslovenské a v troch prípadoch obe opozičné lexémy (severostredoslovensko-západoslovenská a juhostredoslovensko-východoslovenská) sú považované za normatívne, čo potvrdzujú prekladové slovníky. Vidíme, že sa v sporných prípadoch zachováva výrazná prevaha stredoslovenských lexém orientovaných viac na západ (viac ako 2-násobne) a mierna prevaha severostredoslovenských lexém. Ak zohľadníme, že pri výbere izoglos zastúpených na analyzovaných mapách sa autori atlasu riadili myšlienkou rovnomerného zastúpenia nárečového lexikálneho členenia terénu, tak jeho interpretácia z hľadiska lexikálnej normy poskytne objektívny názor na jeho areálovú bázu. Tá je lokalizovaná v stredoslovenských nárečiach s odklonom na sever a je užšie spojená so západoslovenskými než s východoslovenskými nárečiami. Zaujímavé je, že táto situácia má analógiu v bieloruskej lexikálnej norme.

3. Ak sa jedno slovo (resp. jeho varianty) vyskytuje aj na západe, aj na východe, čo je nepochybným dôkazom jeho archaickosti, riešenie problému lexikálnej normy závisí od niekoľkých faktorov – objektívnych aj subjektívnych, medzi ktoré patria: a) veľkosť areálu stredoslovenskej inovácie; b) pôvod tejto inovácie. Archaizmus sa zachováva ako normatívna lexéma v prípade, ak má územnú prevahu. Napr. rozšírené na západe a na východe

(sčasti aj v strede) Slovenska *treba bolo* oproti výlučne strsl. *nadbe* a *načim*⁵. Archaizmus sa môže stať normatívnym, ak stredoslovenské inovácie majú výrazné črty prevzatia. Napr. strsl. *sapún*, *belčou* a *starí otec*, aj keď majú veľký areál, nedokázali konkurovať ekvivalentom *midlo*, *kolíska* a *dědo*. Jednou z príčin zachovania archaizmu v lexikálnej norme môže byť výhradne sémantický charakter stredoslovenskej inovácie v prípade, keď to isté slovo je známe na inom území v inom význame ako napr. *kameň* – *skala* a *pavúz* – *žrd*. V lexikálnom diele atlasu však nájdeme veľa prípadov, keď funkciu lexikálnej normy plnia inovácia a archaizmus súčasne: napr. *tôňa/tieň*, *otava/mládza*, čo je výrazným ústupkom zo strany inovácie, ktorá má iba stredoslovenskú lokalizáciu.

4. Stredoslovenská lexéma sa zvykne stať normatívnou, ak má niekoľko ďalších opozičných lexém. Môže pritom obsadzovať relatívne malé územie, napr. strsl. *obličky* oproti zsl. *ľadvini* a vsl. *pokrutki*; sstrsl. *kresanice* (výrazná inovácia) sa ukotvilo ako normatívne popri archaizmoch *trieski* a *íveri*, hoci je rozšírené iba na nepatrnej časti jazykového teritória.

Na záver môžeme tvrdiť, že materiály lexikálneho diele Atlasu slovenského jazyka potvrdzujú funkčnosť určitých areálových noriem vymedzených na materiáli iných slovanských jazykov, napr. bieloruského.

LITERATÚRA

- БУЗУК, П. А.: *Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моваў*. In: Працы акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Менск: б. м., 1927. Bez ISBN.
- ГАБОВШТЯК, А.: *Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики*. In: Советское славяноведение. № 5, 1981, с. 15 – 29. ISSN 0132-1366.
- ЛАБНГ – *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак*. У пяці тамах. Мінск: Беларуская навука, 1993-1998. Т.1-5.
- ЛЕКОВ, И.: *Съпоставителният анализ на белоруския и българския език в рамките на родствените отношения между двата езика (Белоруски – средищен севернославянски език, български – периферен южен и източен – съчетание на стара и нова типологична специфика)*. In: Бюлетин за съпоставително изучаване на българския език с други езици. Бр. 5, 1976, с. 149 – 160. ISSN 0204-8701.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: *Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях "Лексического атласа белорусского языка")*. In: Dialectologia Slavica:

⁵ Tu a ďalej sa príklady z Atlasu slovenského jazyka uvádzajú vo fonetickom zápise rovnako ako sú umiestnené v Atlase, nie v pravopisnej podobe (pozn. prekladateľa).

Сборник к 80-летию С. Б. Бернштейна. Москва: МГУ, 1995, с. 263 – 272. ISBN 5-85759-028-0.

ЦЫХУН, Г. А.: *Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў.*

XI Міжнародны з'езд славістаў. Доклады. Мінск: б. м., 1993. 25 с. Без ISBN.

ATLAS SLOVENSKÉHO JAZYKA. *Diel IV. Lexika.* Bratislava: Veda, 1984. Bez ISBN.

KOPEČNÝ, F.: *Základní všeslovenská slovní zásoba.* Praha: Academia, 1981. 484 s. Bez ISBN.

KRAJČOVIČ, R.: *Svedectvo dejín o slovenčine.* Martin: Osveta, 1977. 268 s. Bez ISBN.

TARAŠKIEWIČ, B.: *Беларуская граматыка для школ.* Wilnia: б. м., 1918. Bez ISBN.

SUFFERING, DEATH AND DYING IN MARILYNNE ROBINSON'S NOVEL *GILEAD* AND LEO TOLSTOY'S NOVELLA *THE DEATH OF IVAN ILYICH*¹

Mária Hricková

SUFFERING, DEATH AND DYING IN MARILYNNE ROBINSON'S NOVEL *GILEAD* AND LEO TOLSTOY'S NOVELLA *THE DEATH OF IVAN ILYICH*

Abstract: The paper focuses on suffering, death and dying in Marilynne Robinson's novel *Gilead* (2004) and Leo Tolstoy's novella *The Death of Ivan Ilyich* (1886). The study investigates how these concepts are represented in each work, while particular attention is paid to the metaphysical concerns and transformations of main characters. The article argues that the protagonists' crucial transformation which occurs shortly before their death is in both cases conditioned by sincere recognition of one's sinful nature and their salvation is brought forth by an essential act of love, forgiveness and care.

Keywords: death, suffering, wisdom, philosophy, meaningful life

UTRPENIE, SMRŤ A ZOMIERANIE V ROMÁNE MARILYNNE ROBINSONOVEJ *GILEAD* A V NOVELE LEVA TOLSTOJA *SMRŤ IVANA ILJIČA*

Abstrakt: Štúdia sa zameriava na tematizáciu utrpenia, smrti a zomierania v románe Marillynne Robinsonovej *Gilead* (2004) a v novele Leva Tolstoja *Smrť Ivana Iljiča* (1886). Podrobne skúma ako sú predmetné koncepty spodobené v dielach, pričom špecifickú pozornosť venuje metafyzickým obavám a premenám hlavných postáv. Štúdia poukazuje na to, že kľúčová premena protagonistov, ktorá sa v oboch prípadoch uskutoční krátko pred ich smrťou, je podmienená úprimným uvedomením si hriechnej podstaty jednotlivca a ich vykúpenie sa realizuje nevyhnutným aktom nezištnej lásky, odpustenia a pozornosti.

Kľúčové slová: smrť, utrpenie, múdrosť, filozofia, zmysluplný život

Introduction

"Sickness before death is a very appropriate thing and I think those who don't have it miss one of God's mercies", writes an American author Flannery O'Connor in a letter from June 1956 (2003, p. 164). Diagnosed with systemic lupus erythematosus (lupus) in 1952, O'Connor was expected to live only five more years. (She eventually lived much longer than her diagnosis predicted, and died in 1964.) The author of strong Catholic persuasion, O'Connor

1 This work was supported by a grant of the project VEGA 1/0426/17 Ikonizácia utrpenia a jeho zmyslu v slovesnom, umeleckom a kultúrnom obraze I (Inter-semiotická, interdisciplinárna a medzikultúrna rekognoskácia).

never considered her illness to be a serious obstacle to writing. As Richard Giannone writes in his Introduction to O'Connor's *Spiritual Writings*, "She faced this with her usual grace and good humor, sustained to the end by the same faith that had been her anchor in life" (2003, p. 12). It is inspiring to see how faith helped O'Connor to transform her physical pain into creativity and dedicated writing. In a crucial twist of perspective, she describes in a letter from 1959 that 'real' suffering means the lack of faith: "I think there is no suffering greater than what is caused by doubts of those who want to believe. I know what torment this is, but I can only see it, in myself anyway, as the process by which faith is deepened" (2003, p. 152).

As a writer of literature focusing on spirituality, O'Connor has much in common with Leo Tolstoy and Marilynne Robinson. All three are intensely concerned with illness, pain and suffering, the issues which they treat through the views of spirituality and faith; strongly related to one's concept of the life worth living. While O'Connor's fiction is not examined in the present paper, I believe that the quotation from her letter with which my discourse begins and which might have been actually written by any of the three writers aptly illustrates the philosophical focus of my study. Robinson and Tolstoy are writers of the human psyche, "deeply concerned with moral consciousness" in the same way as Klimková interprets the poetics of Joseph Conrad (2015, p. 29).

The lives of John Ames in Marilynne Robinson's Pulitzer Prize winning novel *Gilead* (2004) and Ivan Ilyich of Leo Tolstoy's novella *The Death of Ivan Ilyich* (1886) appear to be very different. John Ames is an aged Congregational pastor, living in a small town of Gilead, Iowa. His whole life has been dedicated to God, community, family and friends. Ivan Ilyich, on the other hand, is a man of the world, a highly regarded official at the Court of Justice. Although dissimilar in their religious background and social standing, the characters face man's fundamental concern: one's knowledge of an approaching death.

My examination of the thematic affinities between the texts is divided into three parts. The first one offers general characteristics of John Ames and Ivan Ilyich which is important in order to set up the context within which further questions of the inquiry can be researched. The second part focuses on the representation of suffering, death and dying in the texts. Central concern here is to show the characters' reactions towards death and how these reactions are determined by their former life. This part also includes analysis of other characters' attitude towards dying men. The third part deals with Ames' and Ivan's transformations. How, when and why do they change? How does their change relate to the life's meaning and the concept of the life worth living? The article attempts to prove that the protagonists' crucial

transformations which occur shortly before their death are in both cases conditioned by sincere recognition of one's sinful nature and their salvation is brought forth by an essential act of love, forgiveness and care.

John Ames and Ivan Ilyich – a pastor and a judge

The Reverend John Ames is an elderly pastor in a small town Gilead, in Iowa. His life has not been easy. He unexpectedly lost his wife and a little daughter in the past, and since then he has lived as a solitary man, dedicating his life to God, service to Gilead's community and learning. He is well into his sixties when he meets Lila who becomes the love of his life, a wife and a mother to his son. Their happiness, however, does not last long. At the beginning of *Gilead* we learn that Ames has been diagnosed with angina pectoris and he knows that he is dying. He, therefore, decides to write to his seven-year-old child a letter which "becomes a prayer of self-scrutiny, a time capsule of fatherly wisdom, a plainspoken treatise on the difficulty of virtue within the most sincere moral consciousness" (Painter, 2010, p. 325). Meant to express everything Ames intends to tell to his son, his 'letter' turns into a complex piece of writing which contains the stories of Ames' past, relationship with his wife Lila and best friend Boughton, and the relationship which appears crucial in his life, with young Jack Boughton. Ames' story is characterized by stark honesty; he is a pious and disciplined person of an immense personal integrity. According to Anthony Domestico, "*Gilead* makes a fundamentally good man seem interesting, and part of what makes Ames so interesting is his willingness to talk intelligently about matters of faith – in particular, his willingness to talk about the sacraments" (Domestico, 2014, p. 15). D. W. Smith thinks that, "[i]n the context of American literary history, Ames's expression of his father-love may be the most eloquent and sincere statement we have from an American fictional father" (Schmidt, 2014, p.123). We find out very soon into the story that Ames's philosophy lacks the hopelessness one might expect to find when a person approaches death. He loves God, loves the world, his family and friends, all beautiful workings of the universe and enjoys every second of life. For Ames, existence equals prayer and life is the quintessential miracle. To love others purely means to love them unconditionally, simply because they *are*: "Existence is the essential thing and the holy thing" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 189).

Ames's worldview provides significant space for mystery and the unknown. He accepts that "our human circumstance creates in us a radically limited and peculiar notion of what existence is" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 143). There is also present a deep sense of the transcendence and a strong

belief in the stable 'Truths' behind verbal and circumstantial appearances: "I felt, as I have often felt, that my failing the truth could have no bearing at all on the Truth itself, which could never conceivably be in any sense dependent on me or on anyone" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 172). Ames is a kind person who meets others with interest and great modesty. In his view, "there is nothing more astonishing than a human face." [...] "Any human face is a claim on you, because you can't help but understand the singularity of it, the courage and loneliness of it" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 66).

Ivan Ilyich of Leo Tolstoy's novella is a successful judge whose life has been comfortable, spent in conformity with the society he lives in. Ivan is married with children; he has a safe social position and job. He has a few acquaintances, money and he loves card-games such as vint. By material concerns, his life lacks nothing. By spiritual concerns, it is utterly empty. Once, furnishing a new flat, the activity he thoroughly enjoys, Ivan accidentally falls of a ladder. Thinking it is just an innocent nuisance he ignores it and even laughs at his ability 'to fly'. This fall, however, changes everything. Ivan is more nervous to his family, he 'observes' himself, and becomes convinced there is something very wrong with him. Major and minor specialist physicians' diagnoses are uncertain; they speak of "floating kidney, chronic catarrh, appendicitis" (1902, p. 31). The doctors' unconcerned attitude – they treat him as 'diagnosis' not as a 'human being' – disappoints Ivan, who by that ignores a bare fact that he as a judge treats other people just the same. Ivan's physical, as well as mental health deteriorates. Contrary to the opinion of others, he feels that his condition worsens, suffering and pain are almost unbearable, and they never cease. His illness affects also his work when all he concentrates on is a constant pain.

Ivan becomes an irritable man who detests the presence of others and suspects everyone of ill-treatment, hypocrisy and lying. There is just one person who provides him with a deeply desired calm through the acts of kindness, self-less love and care. This person is a young servant Gerasim whose touch has a function of the only effective palliative for dying Ivan. Gerasim is "never flinching from the most distasteful chores and attending to the most repelling ministrations willingly and cheerfully" (Brombert, 2006, p. 157) and he "accepts nature's laws with a redemptive simplicity" (Brombert, 2006, p. 157). However, as Jeremy Donnelly perceptively observes, "Gerasim's function in the narrative is less about lifting Ivan's legs to relieve his pain than about raising his consciousness to recognize the falseness of his life and values, and ultimately stimulating a reversal of his mind, heart, and spirit" (2013, p. 82). Relationship with Gerasim is a crucial stimulus for Ivan who slowly starts to see the world differently. Changes in Ivan's mind are devastating,

even more so since they take place amidst “a sea of despair” (1902, p. 54) and “tormenting agony” (1902, p. 69). Since Ivan’s transformation is a subject examined in detail in the following parts of the paper, it suffices to mention here that after a long fight which culminates in the last three days, Ivan dies, reconciled with his family, with his soul, and – in a Christian reading of the text – with God.

Suffering, death and dying

There are several major differences between Ames and Ivan concerning suffering, death and dying. First and foremost, at the end of *Gilead*, reader is left with a remarkably open end concerning Ames’ death, while in *The Death of Ivan Ilyich*, the newspaper announcement of his death is the first information about him which we get. Our not knowing whether Ames’ last words in the narrative are also his last words in life, is, however, relatively insignificant as to the fact that both stories are – from the very beginning till the very end – perpetually coloured by the presence of death.

Although the presence of death is a constant, its understanding by Ames and by Ivan is very different. Ames’ frailty, weakness and physical discomfort caused by difficulties with breathing are depicted in a much less graphic way than intense physical sufferings of Ivan. Ames’ strongest regret is for not being young anymore; he regrets that he cannot dance properly, that he falls asleep then and there, and that he is not a sporty type who could play with his son. His understanding of suffering and death is tempered by his understanding of God’s relation to reality. Everything that happens is part of God’s plan and has therefore a special providential meaning. Believing in such a meaningful world, Ames – though he admits his imperfections – becomes a model of Christian piety whose expectation of death does not turn him into a broken man, but his narrative offers instead an affirmation of love and moral authority.

It is important to point out that while *Gilead* is less expressive of details of physical suffering, death always lurks behind the story. Its presence is never doubted and it has a function of a constant reminder of human frailty. “Sorrow seems to me to be a great part of the substance of human life”, thinks Ames when he ponders over shadowy parts of existence (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 104). One of the key passages related to suffering is in *Lila* (2014), the third installment of Robinson’s trilogy *Gilead, Home and Lila*. In an attempt not to approach lightly his wife’s question why things happen the way they do, Ames decides to write to her: “I know it would be presumptuous to speak as if the suffering that people feel as they pass through the world were not

grave enough to make your question much more powerful than any answer I could offer. My faith tells me that God shared poverty, suffering, and death with human beings, which can only mean that such things are full of dignity and meaning, even though to believe this makes a great demand on one's faith, and to act as if this were true in any way we understand it to be ridiculous. It is ridiculous also to act as if it were not absolutely and essentially true all the same. Even though we are to do everything we can to put an end to poverty and suffering. I have struggled with this my whole life" (Robinson, *Lila*, 2014, pp. 76-77).

If we follow Marilynne Robinson's thought that "One consequence of religious belief is a habit of assuming that life has a profound significance, in its broadest outlines and in its finest details" (in Parris, 2010), suffering cannot be conceived of as a negative experience but as a blessing. This may sound counterintuitive only if one regards suffering as having exclusively negative connotations. Ames admits: "I believe there is dignity in sorrow simply because it is God's good pleasure that there should be. [...] To value suffering in itself can be dangerous and strange, so I want to be very clear about this. It means simply that God takes the side of sufferers against those who afflict them" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 137). In Robinson's works therefore, suffering serves as the means to understand deeper truths about one self; it is the transitory state which is part of God's plan and it is also a reminder of one's wrongdoing. Thus, the time of Ames's loneliness described as "My own dark time" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 44) and "deep darkness (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 55) would qualify as suffering which preceded new blessings.

It would be wrong to suggest that Ames suffers less or more than Ivan. While interpretation of the evidence in *Gilead* may easily demonstrate the opposite, one also has to bear in mind that suffering is very subjective and as such impossible to measure. Although Ames' narrative is not centered on his physical pain, 'real' suffering which he experiences, is of a more subtle nature and will be discussed later.

Ivan's approach to suffering and death cannot be more dissimilar from Ames'. Ivan is a strong, healthy middle-aged man whose illness is caused by his own clumsiness. Unlike Ames' angina pectoris, Ivan is to some extent responsible for his illness and he can blame himself for not being careful enough. His severe pain and physical sufferings are described very vividly and graphically; steady worsening of his condition dominates the narrative in such a strong way that it is impossible to ignore it.

While Ames' and Ivan's lives are strikingly different, it is possible to trace some similarity between their stories. Both protagonists work in law. Ames interprets God's law for the people of Gilead and tries to apply them to his

life; Ivan works as a judge and law represents for him the world of clear rules and precise regulations. Ivan's surname Golovin connotes affinity with the 'head' (голова) and with the rational control and understanding of the world. In Ivan's life there is no place for the miracles and for the supernatural. The icons are "on a table in the corner" (1902, p. 4), forgotten and ignored. When once a lady suggests he might try healing with them, he "surprised himself by listening attentively, and believing in the reality of the fact. This circumstance frightened him. 'It is possible that I have reached such a degree of mental weakness?' he asked himself. 'Nonsense! All rubbish! One must not give way to mere fancies. Now I'm going to select one physician, and rigorously follow his advice'" (1902, p. 35). Although the existence of any spiritual force is still irrelevant for Ivan, yet the small seeds of doubt are present here since he does not dismiss the idea immediately but he gives it some thought, albeit a short one and soon suppressed.

It is revealing to observe the differences between the ways by which Ames and Ivan are treated by their closest family and friends. In *Gilead*, concerns for Ames' health are overtly expressed by his wife Lila. There are a few occasions in the book which show her acts of devotion. Ames rather often mentions how she worries when she does not know his whereabouts; she prepares him his favourite meals and does everything to better his condition. She is 'the angel of the house' in a positive sense, and her love and keen interest in Ames bring light to their coexistence. For Ames, Lila is "a woman of great refinement" (2004, p. 230); she reads the Bible and wants to be educated in the issues of faith; she transcribes interesting passages from books for their son and goes through Ames' sermons which he has collected from the start of his pastoral service.

There is a sharp contrast between the scenes of a warm family life in *Gilead* and those in *Ivan Ilyich*. Addressing his son, Ames describes how once, "We stood you on a chair and you ate toast and jam while your mother polished your shoes and I combed your hair" (2004, p. 8). There are no such scenes in Ivan Ilyich's family. Relationships appear to be cold and formal and while there are some occasions for merriment, Ivan seems to be a distant father whose primary role is to provide material well-being for the family. While Ames is deeply involved and fascinated by the growth of his only son; Ivan observes his family as if from a safe distance. Both of them share the pain of losing a child in the past (in Ivan's case we read that more of his children died young) but while Ames thinks of his lost daughter repeatedly with kindness and love, there is no mention of Ivan's attitude. Ivan is not a bad or wicked person, but – using Biblical phrasing, he is rather a man of a hardened heart.

He prefers not to express his emotions and feelings and does not care about other people's worries.

As Ivan's illness progresses, his detachment from family intensifies and what used to be a mild interest and passive observation changes now into distrust and later even hate: "His family, – especially his wife and daughter, who were in the very white-heat of social pleasures, – he saw, did not comprehend at all, were vexed with him because he was gloomy and exacting, as if he were to blame for it. Even though they tried to hide it, he saw that he was in their way, but that his wife had definitely made up her mind in regard to his trouble, and stuck to it, no matter what he might say or do" (1902, p. 36).

Here, however, an important aspect of Tolstoy's narrative technique need be mentioned as it may influence readers' interpretation of the text significantly. As Victor Brombert mentions in his critical reading of the novella, Tolstoy had originally intended to write it in a first person from Ivan's perspective (see Brombert, 2006, p. 155). Since "[t]he third-person narrative made it possible to transcend the individual experience, to translate it into a universal reality" (2006, p. 155), the author preferred this, more objective point of view. The third person narrative is, however, still very complex and suggests ambiguity which may be evidenced in an attentive reading of the text. It becomes clear that the attempted objective view of the third person may in fact be a disguised form of Ivan's perspective. Our seeing anyone's behaviour toward him as hypocritical, insincere and distrustful may well be hued by Ivan's bleak and depressed interpretation of the situation and Tolstoy's artistic strategy. I believe that the depiction of the final scene – when Ivan's son kisses his father's hand and his wife forgets to wipe her tears in distress – expresses a much different perspective. Until then, Ivan sees everything in dark shades and ignores humanity and humanness of others because he sees them only as reflections of his own cold detachment. As a result of this, descriptions of family's behaviour during Ivan's illness need be read with a grain of salt. If it were described again, seen through Ames' new vision as acquired at the end, the atmosphere of former scenes would have been less pessimistic.

It has been mentioned already that Ames' true source of suffering is revealed only slowly in the text. In this matter Ames, in fact, resembles Ivan who is blind to see the world from a different perspective as well. A crucial source of Ames' pain is his relationship with Jack, the son of his good friend Boughton. Their history is complex. Jack's real name is actually John Ames, named after *Gilead's* narrator and his father's best friend. From the beginning, their relationship shapes awkwardly. Ames is not happy that the child

bears his name and as the boy grows Ames repeatedly suspects him of various pranks performed against him. Even after many years, their relationship is uncertain and shaky. Jack has always been a black sheep of the family. As a young man he fathered an illegitimate child who died prematurely. Afterwards Jack left the family for an indefinite time and does not come back even for his mother's funeral. Ames' writing to his small son overlaps with the surprising return of Jack Boughton to Gilead. First occasional comments on Jack's arrival slowly transform into overwhelming presence of Ames' 'spiritual child' in the narrative. The progress of the relationship with a man who was never close to him goes like a red thread throughout Ames' story. He starts to become jealous of Jack who converses freely with Lila, plays with his son and embodies much of what Ames lost and lacks: youth, vitality, and strength. There is an emotionally intense scene of a mass when Ames observes from a pulpit Lila, Jack and his son sitting next to each other, looking like a young happy family. It is difficult, Ames confesses, not to covet and desire what the other person has. He admits that it has always been easier for him to wince with those who suffer than to celebrate with those who are in joy. As Jack occupies more and more space in the narrative, a reader understands that Ames' obsession with the relationship bears a vital significance for his peace of mind and is, in fact, a true reason of his anguish and suffering.

Transformation, reconciliation and 'God's kingdom within us'

It is telling that Ames' and Ivan's transformations which take place shortly before they die are triggered by a very unlikely source. In both cases, the person who causes the change has been present in their surroundings, yet either they are blind to see that there is something unresolved (the relationship between Jack and Ames) or that the person actually *exists* as a human being and not only as a servant (the relationship between Ivan and Gerasim). It would be daring to compare Jack and Gerasim but they serve a common role in Ames' and Ivan's change. While Ames is a model of tolerance and love, it is bitter – although redeeming and meaningful – for him to learn that Jack might have in fact needed him in the past, that he actually needs him now and that Ames failed as a father in this regard. Unsurprisingly, the final part of Ames' narrative deals more with Jack than with Ames' little son. It is *their* (Jack's and Ames's) relationship which needs to be healed and reconciled so that both may leave in peace (Jack returns to his wife; Ames dies).

The presence and care of Gerasim in *The Death of Ivan Ilyich* are the ultimate reasons for Ivan's transformation. On the brink of death he learns that his principles observed in life proved unsatisfying. Nothing is certain any

more. Ivan's uncertainty surely relates to an approaching death, yet, his fear of dying is just a minor issue compared to spiritual emptiness which lies underneath. I would argue that facing death, Ivan suddenly finds himself in the most radical and fundamental situation of 'non-existence'. He realizes that when he dies, he will be no more. Death is the end. After saying this, it would be too easy to suggest that his conversion is an act of a weak mind which tries to find refuge in anything that offers some consolation. His change is much more complex. It is not simply that Ivan 'needs' to accept death. While the scene of being sucked into the black sack has a nature of a symbolic embrace of death, it is a different kind of embrace he needs in order to leave the world peacefully. Ivan does not need the visions of angels and demons, but what he really does need and gets is the evidence of human kindness and love.

It is a valid question whether Ivan is fully responsible for being such a cold person and for his strictly rational, logical and materialist outlook. Is it not the ultimate tragedy of his life that he has never met a person who might have shown him that the real and satisfying values can be found in the simple acts of care, love and dedication? It seems that with an exception of his childhood, Ivan never meets anyone who would regard comfort and well-being of others superior to one's own. It can be argued that Ivan 'has to' fall from the ladder in order to meet such a person in Gerasim and to be educated by him. His servant's acts of kindness and constant care show Ivan that a purposeful and meaningful life is possible.

Etymology of Gerasim's name leads at least to two sources. It can be interpreted either as derived from the Greek „γῆρας“ („geras“) which translates as „old age, elder“ and it may thus refer to Gerasim's wisdom and prudence which he possesses *despite* his youth. There is also a possible derivation from the Greek ερασμιος (erasmios) meaning „beloved“ which might be an allusion to John, a beloved disciple of Christ. Gerasim is described as “a clean, ruddy young muzhik” (1902, p. 48) with a “fresh, good, simple young face, on which the bears was only just beginning to sprout” (1902, p. 48). It is interesting to observe how rarely Tolstoy's interpreters comment on Gerasim's youth. He is almost a child when he takes care of Ivan. I think that his youth, therefore, may suggest a dimension which would remind one of a father – son relationship. Biblical John, Christ's close companion who was present at many crucial events of Jesus' life, including the scene of His crucifixion and death, is often portrayed as a beardless youth. John is also often depicted in visual art with his head in Christ's lap, indicating strong intimacy; a similarity with Gerasim's physical closeness with Ivan. During Ivan's agony, Gerasim also reminds one of an angel who comforted Christ in the Gethsemane

garden when He is left alone, shedding blood, doubting the meaning of sacrifice He is about to take.

Setting the final pages of *Gilead* and *Ivan Ilyich* side by side, some important affinities and resemblances between the protagonists' transformations become obvious. In *Gilead*, there is Ames' slow realization of his failed role as Jack's father which culminates in at least three acts of devotion to him, all equally significant for Ames' ultimate reconciliation. The first act is Ames' willingness to share his most precious happiness (Lila and a son) with Jack. This happens even before he learns about Jack's marriage and Ames realizes that he is willing to accept a possibility of Lila, Jack and his son to become a family. By this, he conquers his struggles with coveting. The second act is Ames' gift for Jack in the form of Ludwig Feuerbach's *The Essence of Christianity*. The book was given to Ames by his brother Edward, "thinking to shock me out of my uncritical piety" (Robinson, 2004, 24). Full of Ames' notes, it has an immense personal significance for him and he intends to leave it as one of a few books for his little son. However, conversations with Jack show Ames that his 'spiritual son' struggling with faith needs the book much more. The third act is Ames' blessing of Jack by which he does not only accept him as his legitimate son but the act brings him consolation and certainty that he needs very much.

In *The Death of Ivan Ilyich*, Ivan's reconciliation and a moment of epiphany happen as if by chance. Shortly before he dies, Ivan asks "What is 'right?'" (1902, p. 70) and grows still. An hour before he dies he finally dares to ask the most fundamental questions: What is the life worth living? What is the right and purposeful conduct of man? There are further questions that Ivan asks before he dies and it is significant to note that none is left unanswered, albeit in various unlikely forms. In the case of the previous quote, Ivan's question occurred at the very same time as he "was continually shrieking desperately, and tossing his arms. His hand struck upon the little student's head. The little student seized it, pressed it to his lips, and burst into tears" (1902, p. 70). Son's reaction is important not only as an act of thanking his father for the unaware blessing but even more so as it appears to be an answer to Ivan's question. The life worth living is the life when you present yourself as a gift in service for others. In the past, it never occurred to Ivan to question his moral integrity and personal interactions. All seemed clear and all seemed well. There had to happen an unexpected event which would shatter his safety and passivity. Helpless and weak, he realized that Gerasim's deeds are purposeful and at the same time utterly self-less.

In *Gilead* as well as in *The Death of Ivan Ilyich*, recognition of humanness of others is essential for one's salvation. It is important to add that this

recognition is not just an act of thought. In both cases it is fully realized in concrete deeds. Those done by Ames towards Jack have been already mentioned; Ivan's transformative act is expressed in his admitting of being a burden of others: "Yes, I am a torment to them," he thought. 'I am sorry for them, but they will be better off when I am dead.' He wanted to express this, but he had not the strength to say it. 'However, why should I say it? I must do it'" (1902, pp. 70-71). After that, "He pointed out his son to his wife by a glance, and said: – 'Take him away... I am sorry... and for thee.' He wanted to say also, 'Prosti – Forgive,' but he said, 'Propusti – Let it pass;' and, not having the strength to correct himself, he waved his hand, knowing that he would comprehend who had the right" (1902, p. 71).

Ivan's last deed before his death is thus an act of sympathy towards others as he wants to unburden them from suffering they might feel looking at him. The scene's strongly alludes to Christ's crucifixion and his address to his mother and John under the cross, leaving Mary in care of his beloved disciple. In *Ivan Ilyich*, John's role is taken by Ivan's wife; yet its overall reference to the New Testament image is, I suppose, obvious.

It remains uncertain to whom are Ivan's last words addressed. They might be intended for his wife, explained as asking for forgiveness and for her willingness to let him go. The words might be addressed to anyone or all people in the room. In that case, his utterance is a general plea for forgiveness and departure. There is, however, also the possibility of Ivan addressing God about Whom (or Christ) there is no explicit mention in Tolstoy's text. However, the rich New Testament texture visibly permeates the novella and supports an interpretation imbedded in Christian spirituality. I believe that Tolstoy's use of Biblical parallels, symbolism and allusions give evidence to the fact that the author meant this layer of the text remained implicit, though still possible to decode.

I think that Tolstoy leaves the question of Ivan's words open on purpose and the interpretive evidence for that is in his thought: "he would comprehend who had the right" (p. 71). These words do not necessarily refer to God as Jerome Donnelly (2013) believes, but rather allude to another New Testament passage. Namely, to Matthew 13:9-17 when Jesus discourses on the importance of understanding His message, literal, or conveyed symbolically in parables. Those who deserve it and who make an active attempt to understand will understand. In Ivan's context, the words *will* find their right addressee and interpreter. Although his body fails and his message is unclear, what matters is Ivan's intention. His transformation proceeds when his act of mercy extends over all people present at his death-bed: "And suddenly it became clear to him that what oppressed him, and was hidden from him,

suddenly was lighted up for him all at once, and on two sides, on ten sides, on all sides" (1902, p. 71).

Unable to say his thoughts aloud, Ivan realizes that the only act of mercy he is able to do is to leave. It is not important that by leaving he will lose *his* life, because what now matters much more is the good of the others. The reference to the many side from which his understanding comes may well be another reference to the New Testament, particularly, to Luke 17: 21 "Neither shall they say, Lo here! or, lo there! for, behold, the kingdom of God is within you". Ivan finds out that the loss of his life is nothing in comparison with the gain of peace of mind that he received. The scene at his death bed is his symbolic embrace of humanity and mankind; the act he could never achieve in his life.

"I hope you will put yourself in the way of the gift" (Robinson, *Gilead*, 2004, p. 114) is one of the most powerful sentences in *Gilead* which encapsulates the philosophy and spirituality of Robinson's work. Ames's message is not inherently spiritual yet, at the same time, it embodies spiritual values. As a piece of advice for the life worth living the sentence may sound simple and naïve. Its depth and practical meaning, however, relate to the purposeful life of self-restraint, cultivation of gentleness, meekness and charity. To put away oneself in the way of a gift means to find one's vocation in service of others and thus become a good man.

Conclusion

The quote from Luke mentioned above is fundamental for understanding the protagonists' transformations in *Gilead* and in Tolstoy's novella. It is of primary importance to realize that Ames and Ivan experience their change while they are alive, conscious of time and aware of the happenings around them. Although both narratives culminate in a prayer and quasi-visionary experiences, less mystical in Ames' than in Ivan's case, they do not occur *after* they die but *before*. They are not the post-mortem imaginings but both characters go through their necessary change and 'reach' the Kingdom of Heaven in their bodily existence.

This is crucial to mention since I believe that such interpretation determines the meaning of suffering and the concept of the life worth living as suggested by Robinson and Tolstoy respectively. Physical and mental sufferings of Ames and Ivan contribute to their regeneration and shape their understanding of the life worth living. In Ames's case it is unimportant to know whether he dies or not since the crucial conversion takes place and his story 'ends' by his reconciliation with Jack. Ivan, similarly to Ames, arrives at

his understanding of the purposeful life through the character of Gerasim, an unselfish, generous and humble man. Reading the texts through the New Testament context implies that one's happiness depends significantly on a willingness to recognize Christ-image in others, an attitude which contains sincerity, honesty, interest and care.

LITERATURE

Primary sources

- ROBINSON, M.: *Gilead*. New York: Picador, 2004. 247p. ISBN 978-0-312-42440-4.
ROBINSON, M.: *Lila*. New York: Picador, 2014. 261p. ISBN 978-1-250-07484-3.
TOLSTOY, L.: *The Death of Ivan Ilyitch*. In: *The Death of Ivan Ilyitch and Other Stories*. New York: Charles Scribner's Sons, 1902. p. 1 – 71. Without ISBN.

Secondary sources

- BROMBERT, V.: *The Ambiguity of "Ivan Ilych"*. In: *Raritan*, 2006, 26, pp. 152 – 162. ISSN 0275-1607.
BRUNGARDT, G.: *Teaching The Death of Ivan Ilyich: A Guide to Introducing Tolstoy's Classic*. In: *Journal of Palliative Medicine*, 2009, 12, 8, pp. 679 – 682. ISSN 1096-6218.
DOMESTICO, A.: *Blessings in Disguise. The Unfashionable Genius of Marilynne Robinson*. In: *Commonweal*, 2014, pp. 12 – 17. ISSN 0010-3330.
DONNELLY, J.: *Tolstoy's The Death of Ivan Ilych. Satire, Religion, and the Criticism of Denial*. In: *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*, 2013, 16, 2, pp. 73 – 98. ISSN 1091-6687.
KAMM, F. M.: *Rescuing Ivan Ilych: How We Live and How We Die*. In: *Ethics: An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*, 2003, 113, 2, pp. 202 – 233. ISSN 0014-1704.
KLIMKOVA, S.: *A man in crisis: selected short fiction of Joseph Conrad*. In: *Ars Aeterna*, 2015, 7, 2, pp. 23 – 30. ISSN 1337-9291.
O'CONNOR, F.: *Spiritual Writings*. ed. by Robert Ellsberg. New York: Orbis Books, 2003. 173p. ISBN 978-1570754708.
PAINTER, R. M.: *Loyalty Meets Prodigality: The Reality of Grace in Marilynne Robinson's Fiction*. In: *Christianity and Literature*, 2010, 59, 2, pp. 321 – 340. ISSN 0148-3331.
PARRIS, K.: *Marilynne Robinson interview: The faith behind the fiction*. In: *Reform*, September 2010. [accessed 3 May 2017]. Available at <http://www.reform-magazine.co.uk/2016/05/marilynne-robinson-interview/>.
SCHMIDT, D. W.: *In the name of the father: male voice, feminist authorship, and the reader in Gilead*. In: *Renascence*, 2014, 66, 2, pp. 119 – 130. ISSN 0034-4346.
TAYLOR, S. L.: *The Gerasim Model of Caregiving: Reflections on Tolstoy's Novella, The Death of Ivan Ilyich*. In: *Death Studies*, 1997, 21, 3, pp. 299 – 304. ISSN 0748-1187.
WILLIAMS, M. V.: *Tolstoy's "The Death of Iván Ilych": After the Fall*. In: *Studies in Short Fiction*, 1984, pp. 229 – 234. ISSN 0039-3789.

ГЕНДЕРНА МАРКОВАНІСТЬ ОДИНИЦЬ МОВИ Й МОВЛЕННЯ: ВЕРБАЛЬНИЙ І НЕВЕРБАЛЬНИЙ ВИМІР¹

Марія Пономаренко

THE GENDER MARKEDNESS OF LANGUAGE AND SPEECH UNITS: VERBAL AND NON-VERBAL DIMENSION

Abstract: The paper deals with the issue of the verbal and nonverbal gender markedness, the attempt to systematize the male and female dominants on certain language levels has been realized, the definition of gender-marked unit was specified. The attention is focused on the language occurrence of gender component in verbal and nonverbal male and female communication strategies. The research is carried out on the material of the modern Ukrainian prose.

Keywords: gender marker, gender markedness of communication strategy, lexical gender markedness, gender markedness of seme, verbal and nonverbal communication

Думка про можливий взаємозв'язок чинника статі та мови зародилася ще в античності у зв'язку з філософським осмисленням категорій природної статі (sexus) і граматичного роду (genus) (Аристотель, Платон). Здавна відомі й свідчення про відмінності чоловічого та жіночого варіантів мови (про це писали Ш. Баллі, Е. Сепір, Б. Уорф та ін.). Один з найвідоміших прикладів – мова народів острівних країн Карибського моря. Коли європейці вперше опинилися на Малих Антильських островах, вони помітили, що чоловіки і жінки говорять дещо «різними мовами»: особливи-ми були частина лексики (коренів), окремі граматичні форми тощо. При зверненні до чоловіка чи згадці про нього використовували «чоловічий варіант», щодо жінки – «жіночий». І дотепер існують мови з таким розрізненням (японська, чукотська, деякі острівні мови, мови американських індіанців, зокрема мова інків кечуа). Отож факт фіксації гендерних відношень у мові і їх вплив на поведінку, зокрема й мовну, є цілком реальним.

У 70-х рр. минулого століття поштовхом до детального вивчення специфічних рис чоловічої та жіночої мовленнєвої поведінки стала гендерна лінгвістика. Проте у дослідженнях мови й гендеру 1970-1980-х років різниця між чоловічою і жіночою мовною поведінкою вважалася

¹ Дослідження виконано у рамках гранту IGA_FF_2015_019 *Культурні та інтелектуальні взаємозв'язки Центральної і Східної Європи в історичному аспекті*; грант проводиться на кафедрі славістики Університету ім. Ф. Палацького у м. Оломоуц.

аксіомою і слугувала відправним пунктом для лінгвістичного аналізу. Відтак тогочасні праці з гендерної лінгвістики були позначені ідеологічною заангажованістю і безапеляційним фемінним імперативом. Інтерпретація результатів відбувалася в рамках декількох ідеологічних парадигм: дефіцитності (*deficit*), домінування (*dominance*) і відмінності (*difference*). Сьогодні ж вчені поступово відмовляються від абсолютизування присутності гендеру в мові, розуміючи гендер як параметр змінної інтенсивності, що виявляється у низці комунікативних ситуацій різною мірою аж до повного його зникнення (Кирилина, 2003, с. 115).

За теорією гендерної лінгвістики, мова як система, мовлення як відповідна її реалізація та комунікація як мовна діяльність послідовно відображають гендерні параметри, репрезентують гендерну маркованість (Космеда, 2014, с. 17). Та попри значну кількість досліджень у галузі гендерної лінгвістики, бачення такої послідовності й розуміння поняття гендерної маркованості потребують уточнення. Бо ж якщо гендерна парадигма досліджень претендує на статус наукової, постає питання чіткості її термінового апарату, зокрема лінгвістичного статусу гендерно маркованих одиниць.

Найчисленнішими є праці, присвячені проявам гендеру у лексиці та фразеології. І. В. Зикова, вивчаючи гендерно марковані фразеологічні одиниці на матеріалі англійської мови, визначає гендерно марковані ідіоми, як одиниці, опорними компонентами структури яких є лексеми, що позначають особу чоловічої чи жіночої статі (Зыкова, 2002, с. 4). До російської дослідниці приєднується її чеська колега К. Кедронь, яка до компонентів гендерно маркованих ідіом додає дії (вчинки) або поведінку з чоловічою чи жіночою референцією (наприклад, чес. *narukovat, provdat se*) (Kedron, 2014, s. 34). Соціо- та психолінгвістичне дослідження І. В. Таліної зорієнтоване на вияв гендерно-мовленнєвих (гендерно-лексичних) маркерів політичної текстової комунікації (Талина, 2003), що виступають як комплекс стилістичних, лексичних, синтаксичних та культурно-соціальних характеристик елементів чоловічої та жіночої текстової комунікації. І. В. Денисова вивчає гендерну маркованість художнього тексту у контексті ідіостилю та прослідковує міру збереження гендерної маркованості лексичних одиниць у перекладі (Денисова, 2011). До гендерно маркованої лексики дослідниця залучає ті лексичні одиниці, в значеннях яких гендерний компонент може реалізовуватися більш контрастно. Проте чіткого й узагальненого розуміння гендерної маркованості нам виявити не вдалося: кожен з дослідників окреслює його (додамо – не завжди чітко й послідовно) з огляду на предмет свого аналізу.

Узагальнюючи виявлений дослідниками набір гендерних маркерів, їх можна розділити на ті, що мають *експліцитний* характер вираження гендерного компонента (формальні граматичні родові маркери, як-от: флексії, особові займенники, іменники та власні імена, що вказують на денотат чоловічої або жіночої статі), та ті, що мають *імпліцитний* характер (гендерний компонент міститься у семантиці лексичної одиниці з маскулінною чи фемінною референцією). Відтак гендерний компонент може бути виражений як експліцитно – у плані вираження і плані змісту, так й імпліцитно, простежуючись лише у плані змісту. Загалом лексикологи й фразеологи пропонують визначення як формальної, так і семантичної гендерної маркованості лексичних одиниць, спираючись на поняття стереотипу. Дослідники (А. Плюснина, О. Ощепкова) проводять лінгвістичні експерименти, аби виявити гендерний стереотип сприйняття писемного мовлення, мовні засоби, що сприймаються свідомістю носіїв мови як гендерно марковані.

На хвилі стрімкого росту кількості гендерних досліджень науковці намагаються осмислити характеристики чоловічого та жіночого мовлення й обґрунтувати їх. Вчені (О. Горошко, А. Кириліна, Т. Рябова, О. Зємская, І. Кавінкіна) виокремлюють гендерні маркери мовної поведінки на всіх мовних рівнях, проте у визначенні окремих рис як переважно фемінних чи переважно маскулінних їхні думки розходяться. Отож сьогодні не маємо чітких критеріїв, за якими саме ознаками ті чи ті риси мовленнєвої поведінки слід уважати гендерно маркованими. На нашу думку, доречніше говорити не про характерні риси маскулінності і фемінності, а про «чоловічі»/маскулінні та «жіночі»/фемінні доміанти.

З урахуванням думок і тверджень науковців ми згрупували усі виявлені доміанти мовної поведінки чоловіків та жінок на окремих мовних рівнях і об'єднали ознаки, що їх дослідники вважають маскулінними чи фемінними. В узагальненому вигляді вони виглядають таким чином:

- **на лексичному рівні чоловічими** доміантами є вживання вульгаризмів, нецензурної лексики, інвектив, армійського та кримінального жаргону, професійного сленгу, вставних слів з семантикою констатації (*очевидно, безсумнівно, звичайно*); велика кількість неологізмів, висока мовна креативність, використання слів з найменшою емоційною індексацією. До жіночих доміант належить використання оцінних прикметників, часто семантично «порожніх», вживання одиниць афектованої лексики, інтенсифікаторів, часток, вставних слів, що виражають невпевненість (*ви знаєте, мені здається, напевно, може бути*), евфемізмів; гіперболізація;

- **на морфологічному рівні** для жінок характерним є використання демінутивів, конструкцій із займенниками *так, такий, який*, частіше позначених позитивною конотацією, частотне вживання вигуків, особливо *ой, та ну, вау*. Чоловіче мовлення пов'язане з мінімальними відповідними реакціями (*mmm, угу, так*), використанням конструкцій із займенниками *так, такий, який*, частіше позначених негативною конотацією;
- **на синтаксичному рівні** домінантою *фемінного* комунікативного стилю вважають використання окличних і питальних речень, інверсії, неповних речень, еліптичних конструкцій; домінантою ж *маскулінного* стилю є короткі речення та складний заплутаний синтаксис.

Проте тут слід брати до уваги відсутність чітких меж між чоловічим і жіночим мовленням, адже воно не є гомогенним, а *чоловічу* чи *жіночу* мови навряд чи можна вважати окремими самостійними комунікативними системами: особливості чоловічої та жіночої мовленнєвої поведінки мають скоріше тенденційний характер. Часто ті або ті явища, виявлені в мові чоловіків і жінок, пов'язані з особливостями їхньої психіки, характеру, професії, ролі в соціумі, але не з гендерною належністю.

Понятійний апарат гендерної лінгвістики включає і таку одиницю, як *гендерно маркована сема*. На лексико-семантичному рівні гендерні ознаки мовної картини світу виявляються саме у гендерно маркованих семах, які є більш чи менш характерними для лексем на позначення чоловіка чи жінки. Зазначені семи є категоріальними і формують лексико-семантичні поля назв осіб чоловічої/жіночої статі у відповідних мовах.

Однак слід зазначити, що гендерно марковані семи не завжди є унікальними в гендерному плані. Так, наприклад, семи 'велика фізична сила' або 'міцна будова тіла', присутні в словах типу *здоровань, кремез, козак, гренадер* та ін., наявні і в лексичних одиницях, що використовуються на позначення жінки, як-от: *атлет* – про людину (зокрема й жінку) великої фізичної сили і міцної будови тіла. Проте характерними такі семи є для лексичних одиниць на позначення саме чоловіка, а тому окреслюються як гендерно марковані, такі, що виокремлюють певну рису як більш характерну для осіб саме чоловічої статі і цим відрізняють її від осіб жіночої статі і навпаки (Бондаренко, 2006, с. 72).

Отже, слідом за І. В. Денисовою, гендерно маркованими вважатимемо лексичні одиниці з контрастним фемінним/маскулінним компонентом як на рівні змісту (або лише на рівні змісту), так і на рівні його вираження. Гендерна маркованість мови проявляється через:

- Особові займенники, які конструюють гендер у мові. Не позначені гендерним маркуванням в суб'єктивній формі (займенники маркують гендерну опозицію тільки в третій особі і не є носіями гендеру в інших особах), вони можуть підтримувати поняття гендеру.

- Використання слів, що співвідносяться з чоловічим і жіночим за своєю внутрішньою формою (такі найменування позначають статеворольові, статусні й соціальні відношення): *батько, мати, дочка, син, наречена, наречений, леді, пані, пан, король, королева*.

- Використання слів і словосполучень, що мають у своєму складі одиниці з *гендерним компонентом*, який вказує на стать референта:

- ✓ фразеологічні одиниці, співвідносні з чоловіком чи з жінкою на рівні семантики: укр. *синя панчоха*, рос. *кисейная барышня*, чес. *stará paprika* (старший консервативний чоловік);

- ✓ колокації², які застосовуються виключно щодо чоловіків: рос. *красивый, как Аполлон; сильный, как бык; стройный, как тополь/ кипарис*; чес. *krásný jako Adonis*; та жінок: рос. *злая, как ведьма; стройная, как берёзка*; укр. *струнка як тополя*, чес. *hezka jako růžička*;

Зазначимо, що в системах чоловічих і жіночих найменувань у слов'янських мовах симетрично-асиметричні відношення граматичної категорії роду і семантичної категорії статі безпосередньо пов'язані з генералізувальною функцією маскулінного найменування, що є об'єктивним проявом андроцентризму цих мов (Архангельская, 2014, с. 26). У чеській мові як мові з моцільною регулярністю генералізувальна функція маскулінізма на рівні загальнородового значення виявляє нижчу активність, ніж в російській та українській: чес. *profesor – profesorka*, укр. *професор – ∅*, рос. *профессор – ∅*; чес. *host – ∅*, укр. *гость – гостя*, рос. *гость – гостья*.

- Лексеми, пов'язані з концептами *чоловік* і *жінка* (так звані слова-стимули, що викликають образ чоловіка або жінки). Основні групи таких одиниць зорієнтовані на:

- ✓ опис зовнішності чоловіків: укр. *сильні руки*, рос. *атлетическое телосложение*, чес. *urostlý*; та опис зовнішності жінок: укр. *лагідний погляд, тендітна*, рос. *прелестная*, чес. *přívabná*;

- ✓ психологічні якості чоловіків: укр. *рішучий*, рос. *суровый*, чес. *průbojný*; та психологічні якості жінок – укр. *емоційна*, рос. *нелогичная*, чес. *ubřečená*;

- ✓ лише чоловічих чи жіночих референтів через внутрішню форму, що відсилає до особливостей біофізіологічного життя жінок: укр.

² Стійкі компаративні словосполучення.

народжувати дітей, рос. забеременеть чи соціальних ролей чоловіків: *чес. narukovat*;

До цієї групи належать також концепти, пов'язані з *невербальною поведінкою*. Невербальна комунікація на гендерному рівні є продуктом головню соціальним, оскільки пов'язана зі стереотипним уявленням про комунікативну поведінку чоловіка або жінки.

Невербальні гендерні комунікативні стереотипи широко виявляються у художній літературі, репрезентуючи різні іпостасі мови тіла: *паралінгвістику* (тембр голосу, діапазон, тональність), *кінесіку* (жести, міміку, пози, рухи тіла й манери), *окулесіку* (мова очей та візуальна поведінка людей під час спілкування) та *гаптику* (мова дотиків і тактильна комунікація). Грунтуючись на теоретичних висновках фахівців із невербальної комунікації (А. Піз, Н. Крейдлін, С. Григор'єва), дослідники гендеру (І. Баженова, Т. Осіпова, В. Коваль) умовно розрізняють паралінгвістичні й кінетичні засоби за статевою належністю, зважаючи на стереотипні уявлення про невербальну поведінку чоловіка й жінки.

Проте чіткий розподіл невербальних знаків на власне чоловічі або жіночі не завжди є коректним, адже у певних комунікативних ситуаціях вони можуть бути використані обома статями (Осіпова, 2014, 201). Г. Крейдлін зауважує, що коректніше говорити про переважно чоловічі та відповідно переважно жіночі стилі невербальної поведінки незалежно від реальної статі їх виконавця (Крейдлін, 2005, 28).

Увага окремих вчених (Г. Крейдлін, А. Піз) головним чином зосереджена на гендерних аспектах емоційності, позаяк гендер як складний соціокультурний процес конструювання суспільством відмінностей чоловічих і жіночих ролей, поведінки, ментальних і емоційних характеристик безпосередньо пов'язаний з емоційністю чоловіків та жінок.

Соматичні вислови, чи номінативні одиниці, закріплені за кінетичними засобами (відображення жестів, міміки, поз, виразу обличчя), відтворюють цілий спектр емоцій: радість, здивування, гнів, печаль тощо. І. С. Баженова виокремлює некомунікативні рухи, які мимохіть супроводжують спілкування та сигналізують про внутрішній емоційний стан мовця. Узагальнення цієї дослідниці ми супроводжуватимемо ілюстративним матеріалом з оповідань зі збірки «Біг Мак та інші історії»³ С. Жадана та зі збірки оповідань «Як я стала святою»⁴ Т. Малярчук.

³ ЖАДАН, С.: *Біг-Мак та інші історії*. Харків: Фолио, 2013, 320 с.

⁴ МАЛЯРЧУК, Т.: *Як я стала святою*. Харків: Фолио, 2008, 190 с.

Отже, це можуть бути дії:

- спрямовані на того, хто говорить. Сюди належать виразні індивідуальні звички, призначені для зняття внутрішньої напруги, рухи на позначення позитивних очікувань, збентеження, гніву, сорому (наприклад, з жіночою моделлю поведінки асоціюються такі рухи, як *крутити волосся, гризти нігті, кусати губи, тупати ніжкою, сплеснути руками, заламувати руки, опустити очі*, з чоловічою – *потирати руки, потирати підборіддя, чухати потилицю, стискати кулаки, бити кулаком об стіл*); пор. у С. Жадана лікар *нервово хрускотить пальцями*;
- рухи, спрямовані на якийсь предмет, що знаходиться на мовці (наприклад, радше жіночими вважають такі дії: *крутити обручку, маніпулювати окулярами, смикати хустку на шиї, перебирати складки на одязі, чоловічими – розстібати і застібати гудзики, м'яти шапку*);
- рухи, спрямовані на якийсь предмет, що знаходиться поряд (наприклад, жінкам притаманно *гризти олівець* або *гратися олівцем*, а чоловікам – *гратися цигаркою/ложкою, ламати сірники/олівці*).

Гендерно маркованою вважають і таку ознаку, як якість мовлення (об'єкт дослідження паралінгвістики). Зокрема, характеризуючи мовлення чоловіка, дослідники використовують маркери *додати, заперечити, вигукувати, висловити, відгукнутися, промовити, повідомити, говорити твердо*. Характеристику ж жіночого мовлення вербалізовано переважно такими лексемами: *виговорити, випалити, видавити, просити, передражнювати, обурюватися, торохкотіти, цокотіти, тараторити, белькотати* тощо. Розрізняють відповідно й *стилі мовлення* чоловіка й жінки: чоловіче мовлення зазвичай *пряме, тверде, децю грубе, різке, вимогливе, прямолінійне*, мовлення жінки *спокійне, м'яке, довірливе, мирне*, іноді *наївне* (Осіпова, 2014, с. 215).

Дієслова, що мають констатувальний характер, найчастіше супроводжуються словами, що вказують на якість звучання мови й емоції, наприклад, при описі мови чоловіків автори художніх текстів уживають слова, в яких акцентовано на силі звучання мовленого слова в емоційному стані гніву, наприклад: *з жаром / грізно / злобно / сердито / люто / гнівно / голосно / жорстким або металевим голосом / з досадою / жорстким тоном / в сильному обуренні* та ін. Слова, що вказують на силу і якість звучання мови жінок, частіше передають слабкість голосу і презентують емоційний стан невпевненості або страху: *злякано / тремтячим голосом*

/зітхнувши / боязким голосом / жалібним голосом / слабким голосом / боячись / тихо майже пошепки / повільно і тихо / с розстановкою та ін.

Спробуємо простежити цю тезу на прикладах із творів різних авторів. Приміром, у С. Жадана героїні здебільшого говорять *непевно, несміливо, нервово*, натомість чоловіки розмовляють *обурено, вороже, категорично, наполегливо*. Персонажі-жінки оповідань Т. Малярчук, навпаки, частіше говорять *грізно, суворо, владним тоном*, рідше – *невпевнено, благально, наївно занепокоєно, стихшим голосом, несміливо* пробують зав'язати діалог, а от чоловіки *нервово бурмочуть, плачучи*.

Звертає на себе увагу ще один факт. Для характеристики якості мовлення чоловіків автори художніх текстів використовують більше квалітативних дієслів, які несуть в собі додаткову інформацію про манеру, тон, силу звука, емоції (*заволати, горланити, закричати, кричати*). Квалітативні дієслова, що передають гнів / незадоволення / збентеження, теж частіше використовують для характеристики мовлення чоловіків (*бурчати, бурмотіти, пробурмотіти*). На різкість, категоричність мови чоловіків вказують і дієслова *перебити, відрубати, різонутти, вимагати*, у оповіданнях Т. Малярчук ще й *гримнути*.

Описуючи емоційний стан героїв чоловічої та жіночої статі, автори художніх творів уживають дієслова різного мелодійного звучання. Приміром, квалітативні дієслова *верещати, пропищати, проспівати* характеризують якість звучання мови жінок і звичайно не використовуються в описі мовленнєвої поведінки чоловіків.

Прикметним є й те, що з цілого ряду звуконаслідувальних дієслів, які супроводжують пряму мову персонажів чоловічої статі (*заревіти, гарчати, прогарчати, гаркнути, шипіти, крякнути* тощо), дослідниками зафіксовано лише одне дієслово такого типу – *кудкудакати* – для характеристики якості мови жінок.

У мовній свідомості оцінні ознаки якості звучання мови жінок закріплені у вигляді певних стереотипів, відтак за їх проекції на референта протилежної статі набувають яскраво вираженої емоційної оцінки. Інша справа, якщо під референтом мається на увазі жінка, для характеристики якої використано стереотипні чоловічі оцінні ознаки. У цьому випадку негативні емоційні оцінки не проступають, оскільки в мовній свідомості представників обох статей чоловічі оцінні ознаки мають вагому значимість і традиційно оцінюються як позитивні (Баженова, 2003).

До проявів гендерно маркованої невербальної комунікації, регулярно повторюваних у художніх текстах, належать і такі специфічні засоби, як погляди (окулесичні засоби), що їх направляють один на одного або якими обмінюються між собою учасники спілкування. Особливого

значення візуальна комунікація набуває з урахуванням гендерного чинника, оскільки гендерно марковане спілкування у цьому випадку таки має певні особливості (Коваль, 2007, с. 119).

Ряд епітетів української мови можуть позначати жіночий погляд (очі) такого функціонального спрямування: *гострий, допитливий, жадібний, запитливий, оцінюючий, пильний, пронизливий, чіпкий* (Ставицька, 2015, с. 143). Пор. приклади з малої прози С. Жадана та Т. Малярчук: «газдиня пильно озирається», «дівчина боязко огледілась».

Гендерно релевантним слід уважати агресивний чоловічий погляд, звернений до жінки (Ставицька, 2015, с. 167): «він *зверхньо дивиться*», «з *викликом подивився* їй у вічі». Сумірним є приклад з твору С. Жадана – «солдат відповів *батьорим мілітарним поглядом*», оскільки гендерно маркована сема прикметника *мілітарний* вказує на військову особу з маскулінною референцією.

І все ж гендерні відмінності у візуальній поведінці не є поляризованими, позаяк контакт очей виконує численні функції. Наприклад, твердий або пильний погляд прямо в очі не є гендерно маркованим окулесичним засобом, хоча й виражає комунікативну стратегію домінування.

Гаптична комунікація у гендерному аспекті також має свої особливості та тенденції. У діадах «жінка-чоловік» чоловіки комунікують через активні доторки, а жінки через пасивні. Жінки вільніше за чоловіків торкаються осіб тієї самої статі, друзів або родичів. Натомість тактильні жести між чоловіками нагадують їхню мову – короткі й зосереджені у певній точці: м'який удар кулаком у руку або тверде поплескування по плечу. Як-от: у Жадана: «він починає *плескати їх по плечах*», «вони весело *плескали його по плечу*». Серед найбільш типових слов'янських чоловічих жестів називають *рукостискання, цілування руки або подання руки* – жест ввічливості, коли чоловік допомагає жінці, наприклад, вийти з транспорту.

О. П. Левченко звертає увагу на лексичні одинці, які вербалізують концепт *страху* у прозі сучасних українських авторів. Вчена дослідила підкорпуси «чоловічої» та «жіночої» прози й за допомогою статистичних методів виявила, що слова на позначення концепту *страх* у жіночому підкорпусі трапляються удвічі частіше, ніж у чоловічому (Левченко – Ліхнякевич, 2014, с. 40). У оповіданнях С. Жадана також жінки частіше відчувають страх: «сусідка *боязко вийшла*», але зустрічаються і поодинокі приклади «чоловічих страхів»: «він *боязко озирається по боках*».

Невербальні параметри комунікації, на переконання цілого ряду дослідників, омовлені у художньому дискурсі й формують імпліцитні смисли, що відповідно репрезентують фемінні чи маскулінні комунікативні

стратегії. Проте у реальній комунікації такі характеристики є не завжди надійно аргументованими.

Як бачимо, гендерна маркованість виявляє прояви як на вербальному, так і на невербальному рівні. Попри закономірні труднощі у розмежуванні фемінного та маскулінного у комунікативній поведінці чоловіків та жінок, таки можна говорити про наявність чоловічих та жіночих домінант на окремих мовних рівнях. Водночас огляд праць, присвячених аналізу вербальних та невербальних чоловічих та жіночих комунікативних стратегій, свідчить про нагальну потребу випрацювання методології досліджень, передусім того, якою «міркою» дослідники можуть і мають вимірювати рівень маскуліності й фемінності мовлення. Бо ж проголошені їх авторами висновки й узагальнення носять здебільшого емпіричний характер, натомість для наукового дослідження визначальною є аргументативність. А. В. Кириліна ще на початку 2000-х років вказувала на недостатню увагу до розробки методологічних принципів вивчення гендерних аспектів мови і комунікації (Кириліна, 2003, с. 117). На жаль, якого-будь виразного прогресу у цьому напрямку й сьогодні не простежуємо.

Прийнятними є спроби статистично проаналізувати гендерний складник чоловічого та жіночого мовлення, аби з певною мірою достовірності виявити закономірності чи хоча б тенденції щодо його маскуліності чи фемінності. Тож наявність суттєвої прогалини у методології дослідження гендерної маркованості одиниць мови і характеру мовлення стимулює нас до застосування у подальших розвідках прикладних методів опрацювання окремих рис чоловічого та жіночого мовлення.

Перспективними вважаємо й дослідження маскулічних і фемінних моделей невербальної поведінки у художньому дискурсі, адже гендерні особливості невербального простору (паралінгвістичні, кінетичні, окулесичні та гаптичні номінації) являють собою сукупність соціокультурних уявлень авторів творів про конструювання гендеру.

ЛІТЕРАТУРА

- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Т. А.: *Симметрия и асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в славянских языках*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. 231 s. ISBN 978-80-244-4262-4.
- БАЖЕНОВА, И. С.: *Гендерные аспекты невербальной коммуникации*. In: *Общество и гендер*. Рязань, 2003, с. 113–127. ISBN 5-93550-074-4.

- БОНДАРЕНКО, О.: *Гендерний підхід у лексичній семантиці*. In: Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика», № 4, Херсон, 2006. с. 71–74. ISSN 2307-8030.
- ГОРОШКО, Е. И.: *Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения*. In: Маркеры вербального и невербального поведения мужчин и женщин. Вена – Киев, 1996. с. 1–80. Без ISBN.
- ГРИГОРЬЕВА, С. А. и колл.: *Словарь языка русских жестов*. Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с. 5-7859-0149-8.
- ДЕНИСОВА, И. В.: *Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: автореф...* дисс. канд. филол. наук. Ульяновск, 2011. Без ISBN.
- ЖАДАН, С.: *Біг Мак та інші історії*. Харків: Фолио, 2013. 320 с. ISBN 978-966-03-5688-7.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Особенности мужской и женской речи*. In: Русский язык в его функционировании. 1993. с. 90–136. ISBN 5-02-011112-0.
- ЗЫКОВА, И. В.: *Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: автореф...* дисс. канд. филол. наук. Москва, 2002. Без ISBN.
- КАВИНКИНА, И. Н.: *Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка*. Гродно: ГрГУ, 2007. 153 с. ISBN 978-985-417-854-7.
- КИРИЛИНА, А. В.: *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Институт социологии РАН, 1999, 189 с. ISBN 5-89697-42-0.
- КИРИЛИНА, А. В.: *Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике*. In: Beitrage des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15-21. München, 2003, с. 113–127. Без ISSN.
- КОВАЛЬ, В. И.: *Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007, 217 с. ISBN 978-985-439-286-8.
- КОСМЕДА, Т. А.: *Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика*. Харків: Коло, 2014. 470 с. ISBN 978-617-642-161-0.
- КРЕЙДЛИН, Г. Е.: *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*. Москва: Языки русской культуры, 2005. 224 с. ISBN 5-9551-0090-3.
- ЛЕВЧЕНКО, О. П. – ЛІХНЯКЕВИЧ, І. О.: *Порівняння як засіб вербалізації концепту Чоловік (на матеріалі української художньої прози)*. In: Слово в культурі та культура в слові: Монографія. Оломоуць: Universitas, 2014. с. 35–54. ISBN 978-80-244-4082-8.
- МАЛЯРЧУК, Т.: *Як я стала святою*. Харків: Фолио, 2008. 190 с. ISBN 978-966-03-4031-2.
- ОСИПОВА, Т. Ф.: *Гендерно марковані комунікативні стратегії й тактики у вербальній і невербальній комунікації*. In: Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика. Харків, 2014, с. 174–226. ISBN 978-617-642-161-0.
- ОЩЕПКОВА, Е. С.: *Стереотипные представления о «мужском» и «женском» текстах в сознании носителей русского языка*. In: Гендер: язык, культура,

- коммуникация: сб. докладов Третьей Международной конференции 27–28 ноября 2003. Москва, 2003, с. 83. Без ISBN.
- ПИЗ, А.: *Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам*. Нижний Новгород: Ай Кью, 1992. 262 с. ISBN 978-5-699-11872-4.
- ПЛЮСНИНА, А. В.: *Характеристики мужской и женской письменной речи в гендерном сознании коммуникантов*. In: Ярославский педагогический вестник. № 1, 2001. с. 184–188. ISSN 1813-145X.
- РЯБОВА, Т. Б. *Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований*. In: *Личность. Культура. Общество*, 2003, № 1–2, с. 120–139. ISSN 1606-951X.
- СТАВИЦЬКА, Л. О.: *Гендер: мова, свідомість, комунікація*. Київ: КММ, 2015. 438 с. ISBN 978-966-1673-31-0.
- ТАЛИНА, И. В.: *Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля: автореф...* дисс. канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. Без ISBN.
- KEDRON, K.: *Genderové aspekty ve slovanské frazeologii (na materiálu běloruštiny, polštiny a češtiny)*. Praha: Karolinum, 2014. 164 s. ISBN 978-80-246-2221-7.

LABYRINTEM PRÓZ ALBERTA LICHANOVA

THROUGH THE LABYRINTH OF ALBERT LIKHANOV'S PROSES

Abstract: The study reflects on a contemporary Russian writer Albert Likhonov (1935). He is the author of numerous books for Children and Youth – *Monthy shore* (1968), *Music* (1971), *My grandfather General* (1973), trilogy *Family circumstances* (1974), *Solar eclipse* (1977), *Labyrinth* (1974), *Highest punishment* (1984), *Broken Doll* (2009) and others. The value of his works lies in their strong emotional profuseness, in the great artistic strength and in their extremely high moral potential.

Keywords: Albert Likhonov; Russian Novelist; Literature for Children and Youth; Emotional Profuseness; Moral Potential.

«...Наша совесть – незримая миру энергия».
(А. Лиханов)

Ruský prozaik Albert Lichanov se narodil 13. září 1935 v Kirově, dřívější Vjatce. Je absolventem žurnalistické fakulty Uralské státní univerzity ve Sverdlovsku. Později pracoval jako novinář a editor Mladé prózy Sibíře – edice vydávané Západosibiřským nakladatelstvím v Novosibirsku, poté působil mimo jiné jako šéfredaktor časopisu *Смена*, předseda Asociace pracovníků literatury a umění pro děti a mládež, prezident Mezinárodní asociace dětských fondů a ředitel Vědecko-výzkumného institutu dětství. Jeho vklad, úsilí a zásluhy o rozvoj dětské literatury byly oceněny řadou vyznamenání – v prosinci roku 2013 mu byla udělena i prestižní cena *Золотой витязь*. Alberta Lichanova nazývají «самым многодетным отцом России». *И ещё – адвокатом детства, полпредом сирот, последней надеждой обездоленных...*» (Рыков, Литературная газета, 2015, с. 5).

Podle autorova mínění je veškerá budoucnost skryta právě v dětství. Spisovatel je přesvědčen, že s dětmi je třeba otevřeně mluvit o všech otázkách i problémech, nic nezastírat a nevytvářet „jakousi umělou“ hranici mezi dětstvím a dospělostí. Lichanov neustále přemýšlí o jedné z hlavních sil, na kterých je postaven život. Tou silou je *dobro* – pevné, silné, vítězí a neoddělitelné spjaté s pojmy svědomí, lidskost a soucit.

Jeho prvními prózami s tematikou utváření charakteru dospívajících dětí a formování jejich pohledu na svět byla díla *Šagrénová kůže* (orig. *Шагреновая кожа*, 1962, nepřelož.), *Nechť je slunce!* (orig. *Да будет солнце!*, 1963, nepřelož.), *Hvězdy v září* (orig. *Звезды в сентябре*, 1967, nepřelož.) a *Teplý déšť* (orig. *Тёплый дождь*, 1968, nepřelož.).

V povídce *Čisté kamínky* (orig. *Чистые камушки*, 1974, nepřelož.) poprvé nečekaně ostře a důrazně zazněla myšlenka, které od té doby zůstal spisovatel věrný po celý dosavadní život: nejen dospělí jsou odpovědní za své děti, ale také děti „odpovídají“ za své rodiče.

Ruku v ruce s dobrotou a lidskostí však kráčí i špatnost a zlo. „*Ano, dětství je důvěřivé a добрota má nebezpečnou vlastnost zapomínat na zlé... Za éry mého dětství celý mamčin a babiččin život začínal a končil jedinou myšlenkou – jak mě ochránit před špatnými vlivy. Před ulicí, před ničemnými lidmi*“ (Lichanov, 1986, s. 269). I v novele *Labyrint* (orig. *Лабиринт*, 1974, č. 1976) Lichanov dovádí čtenáře k myšlence, že pouhým obcházením a ignorováním se zla nelze zbavit. Zlo dostává podobu pokrytectví, individualismu, cynismu, nevšímavosti a nespravedlnosti. «*Надо только, чтоб гадкие мысли не стали делами. Надо суметь эту гориллу вовремя взять за хвост и вышвырнуть из себя. Сразу увидишь, как легко и просто тебе стало. Сразу почувствуешь, как хорошо без дурных мыслей*» (Лиханов, 1980, s. 406).

V románu *Můj dědeček generál* (orig. *Мой генерал*, 1973 – 1974, č. 1981) vypráví o přátelství člověka, vstupujícího do života, s člověkem, který stojí již na konci své životní pouti. A dědeček Anton Rybakov říká svému vnukovi Antoškovi: „...*Pamatuj si jednou provždy: člověk musí mít své pokračování. To je největší štěstí*“ (Лиханов, 1976, s. 258, přel. Z. M.). Lichanovova myšlenka o «*продолжении*» – o pokračování, resp. přesněji řečeno o nesmrtelnosti, je jednou z hlavních v jeho tvorbě. Nejde pouze o biologické pokračování života, ale o něco vyššího – o pouta sounáležitosti a přátelství, založených na duchovním a morálním porozumění.

Lichanov vidí dítě vždy uprostřed fungující rodiny, kterou chápe jako matečnou buňku všech dalších lidských vazeb. V ovzduší obecné víry v život a obzvláště v dětství a mládí si autor zároveň s úzkostí uvědomuje, jak je rodina nesmírně zranitelná. «*Эта тема меня не оставляет... Есть такое*

важнейшее христианское начало – сострадание. Жалеть самого себя легко. Пожалеть другого тоже легко. Но помочь другому преодолеть тяготы – это уже труд души» (Рыков, Литературная газета, 2015, с. 5).

Uvedenou problematiku zpracovává Lichanov především ve své trilogii s názvem *Rodinné okolnosti* (orig. *Семейные обстоятельства*, 1974) – *Čisté kamínky* (orig. *Чистые камушки*, 1974, nepřelož.), *Labyrint* (orig. *Лабиринт*, 1974, č. 1976) a *Podvod* (orig. *Обман*, 1974, č. 1976).

Novým stupněm spisovatelovy zralosti je povídka *Zatmění slunce* (orig. *Солнечное затмение*, 1977, č. 1982). Je to dílo tradičně lichanovské – tematicky je určeno dospívajícím a zachycuje dramatické momenty duchovního života hrdinů ve vyhraněných situacích. Na lyricky jímavém příběhu dvou mladých lidí – chlapce a tělesně postižené dívky – ukazuje, kolik je ve světě a v životě hoře a utrpení. Prozaik doslova nutí čtenáře zamyslet se nad tím, že každý člověk by v sobě měl pěstovat skutečně lidské city – pochopení, soucit, dobrotu, laskavost. „...Musíme věřit. Věřit v sebe a ve své síly. V to, že jsme lidé...“ (Lichanov, 1982, s. 49). To je v konečném důsledku i logický závěr povídek *Měsíční břeh* (orig. *Лунный берег*, 1968, č. 1982) a *Dopis z pošty* (orig. *Вам письмо*, 1977, č. 1982).

Lichanov staví před čtenáře otázku – co je to povinnost, svědomí, dobro, co má v životě skutečnou cenu? Tato problematika se objevuje hlavně v Lichanovových prózách *Golgota* (orig. *Голгофа*, 1981, č. 1984) a *Dobré úmysly* (orig. *Благие намерения*, 1981, č. 1984). O nebezpečnosti lidského – a obzvláště rodičovského – egoismu je napsána novela *Nejvyšší trest* (orig. *Высшая мера*, 1984, slov. 1985). „...Hej, všetko máte, no keby ste sa zamysleli, tak nemáte nič. Peniaze nie sú všetko. Ale to si neuvedomujete, že ak niečo máte – vzácne, naozajstné, nenahraditeľné, je to syn... A vy úbožiaci sa ho zriekate...“ (Lichanov, 1985, s. 88).

Podstatné místo zaujímá v Lichanovově tvorbě tematika války, která se v podstatě objevuje ve všech jeho dílech. Najdeme ji v již zmíněných povídkách *Můj dědeček generál*, *Čisté kamínky*, ale rovněž v cyklu próz *Музыка* (1971), který vyšel v českém překladu pod názvem *Dřevěné koně* (1986). První tři povídky souboru – *Strmé vrchy* (orig. *Крутые горы*, 1970, č. 1986), *Muzika* (orig. *Музыка*, 1971, č. 1986) a *Dřevěné koně* (orig. *Деревянные кони*, 1969, č. 1986) tvoří trilogii. Pak následují novely *Strašimůra* (orig. *Кикимора*, 1984, č. 1986), *Obchod s náramnými potůckami* (orig. *Магазин ненаглядных нособуй*, 1984, č. 1986) a *Poslední mrazy* (orig. *Последние холода*, 1984, č. 1986). Závěrečná povídka celého cyklu vyšla jako samostatná publikace v nakladatelství Mladé letá pod názvem *Posledné mrazy* (1990). Tematika války je v ruské literatuře pro mládež záležitost mnohotvárná a v podstatě nevycerpateľná. Vedle Alberta Lichanova se k tomuto námětu vrátili

například V. Kazko, J. Ivanov, V. Amlinskij, V. Tichvinskij, A. Pristavkin, J. Voiščev, V. Goljavkin, V. Krapivin, I. Serkov a mnozí další. Bolestné vzpomínání, potřeba poměřovat současnost s tím, co už člověk prožil, nutnost dialogu generací – to jsou stěžejní aspekty, které sblíží válečnou problematiku všech těchto próz s naší přítomností.

Ve všech povídkách je vidět, jak válka děti neskutečně hluboce zasáhla. Ale přesto neztrácejí to hlavní – lidskou skromnost, důstojnost, schopnost pomáhat druhému, lásku a přátelství. I pro ně je a zůstává dětství zemí dobra a lidskosti. A prožité hoře je rovněž učilo – dobrotě, soucitu a pochopení. *«Наверное, ещё никто из детских писателей не говорил с ребятами о таких вещах так откровенно, как Альберт Лиханов. И откровенен он потому, что очень крепко верит в силы доброго и прекрасного, верит в своих читателей – младших, средних и старших, – и их умы, их сердца»* (Стрелкова, 1980, s. 535).

Lichanovovy prózy znamenají hluboký ponor do lidského vnitra. Nespočívají však v přijetí toho či onoho názoru, hlediska či mravního poučení. Vždy proti sobě stojí skutečnost – chaotická, zmatená, měnící se – a člověk – rozpolcený, zmítaný pochybnostmi, hledající. Prozaik usiluje o to, aby si současný čtenář vytvořil představu o „běhu života“, jeho smyslu i zákonitostech. Proto se tolik zaměřuje na problémy a fakta diskusní povahy. Svě dětské postavy dostává do vyhraněných a mnohdy dramatických situací.

Próza Alberta Lichanova se na jedné straně vyznačuje hloubkou psychologické analýzy a na straně druhé publicistickým napětím. Popisy v ní zaujímají minimální místo, převládají charakteristiky duševních stavů postav, dialogy a vnitřní monology. Autor dovede vytvořit silné citové napětí, i když

vnějškově je poměrně skoupý na vyjádření emocí. Děj bývá „rozbitý“, „roztrhaný“, tvůrce rychle přebíhá z místa na místo, dělá posuny i přesuny v lidské paměti a rozuzlení příběhu nechává striktně na závěr. Lichanovovy příběhy přitahují zájem a pozornost spíše profilem hrdinů než vypjatostí scén, vnitřním pohybem problematiky než silnou dějovostí.

Hrdinové Lichanovových próz přemýšlejí o pravdě a zrádčovství, o odpovědnosti před lidmi i před sebou samým a zejména o tom nejdůležitějším – proč a jak má člověk žít, kde je jeho místo v životě. A nanejvýš aktuálně znějí Lichanovova slova v předmluvě k jeho knize *Pro! ty nejmenší. Dopisy na ochranu dětství* (orig. *ЗА! малых сих. Письма в защиту детства*, 2007, nepřelož.): «*Не обязательно соединение хоть в какую-либо общность – государство, клуб, семью – каждый человек, каждая отдельно взятая совесть не просто могут быть, а должны быть растворены, как окна доброго жилища, в чужой, особенно детской беде. Растворены, обращены должны мы быть к бедам чужим, и наша совесть, незримая миру энергия, именно должна быть направлена к этим бедам, чтобы выстроить незримый, но реальный мир взаимной помощи, без которой, как без чувства совести и действенного сострадания чужой беде, все мы – просто тварный мир, ничуть не отличимый от мира животного*» (viz <http://www.albertlikhanov.com/tvorchestvo/-knigi/.html>).

Lichanovovy knihy jsou dialogem lidí různých generací, ale autor je přes různé spory vždy dovádí ke konečnému souladu, přičemž zdůrazňuje u všech lidí společné mravní normy a obrací jejich pozornost k aktuálním tématům dnešní doby – pozitivním a kvalitním vztahům člověka k člověku, člověka ke společnosti a společnosti k člověku.

Zdeňka Matyušová

Poznámka

Doprovodné ilustrace k textu jsou dostupné v archivu autorky a na internetu – viz: https://yandex.ru/images/search/Albert_Likhanov.jpg&pos=0&rpt=simage

LITERATURA

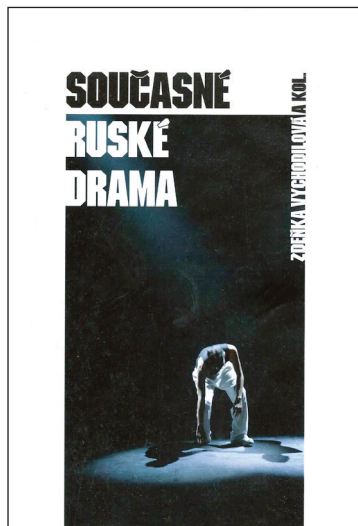
- LICHANOV, A.: *Dřevěné koně*. Praha: Albatros, 1985, 477 s. Bez ISBN.
ЛИХАНОВ, А.: *Избранное в двух томах*. Москва: Молодая гвардия, 1979, 597 s. Bez ISBN.
ЛИХАНОВ, А.: *Лабиринт*. In: *День твоего рождения*. Москва: Детская литература, 1980, 539 s. Bez ISBN.
LICHANOV, A.: *Najvyšší trest*. Bratislava: Obzor, 1985, 171 s. Bez ISBN.
ЛИХАНОВ, А.: *Повести*. Москва: Детская литература, 1982, 396 с. Bez ISBN.
LICHANOV, A.: *Posledné mrazy*. Bratislava: Mladé letá, 1990, 109 s. ISBN 80-06-00198-7.

- ЛИХАНОВ, А.: *Смысл сущего*. Москва: Советская Россия, 1985, 332 с. Bez ISBN.
- ЛИХАНОВ, А.: *Собрание сочинений в четырех томах*. Москва: Молодая гвардия, 1986-1987, 1. т. 605 с., 2. т. 590 с., 3. т. 557 с., 4. т. 556 с. (2 308 с.). Bez ISBN.
- ЛИХАНОВ, А.: *Мой генерал*. In: *Семейные обстоятельства*. Трилогия, т. 2. Москва: Молодая гвардия, 1976, 523 с. Bez ISBN.
- LICHANOV, A.: *Strašimůra*. In: *Dřevěné koně*. Praha: Albatros, 1986, 477s., s. 269. Bez ISBN.
- LICHANOV, A.: *Zatmění slunce*. Praha: Lidové nakladatelství 1982, 210 s. Bez ISBN.
- РЫКОВ, С.: *Чужих детей не бывает*. In: Литературная газета, № 35, 9 - 15 сентября 2015 г., с. 5. ISSN 0233-4305.
- СТРЕЛКОВА, И.: *Человек сам делает себя* (послесловие). In: *День твоего рождения*. Москва: Детская литература, 1980, 539 с. Bez ISBN.

Internetový zdroj

<http://www.albertlikhanov.com/tvorchestvo/knigi.html>

Vychodilová, Zdeňka a kol.: **Současné ruské drama.** Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. 493 s. ISBN 978-80-244-4505-2.

Výber z novej ruskej drámy v prekladoch olomouckých študentov slavistiky

Slovenských či českých publikácií, ktoré by mapovali aktuálne podoby dramatickej tvorby v Rusku, nie je veľa. Antológia kolektívu autorov pod vedením docentky Zdeňky Vychodilovej z Olomouckej Univerzity Palackého je preto iste vítaným počinom, ktorý má navyše ambíciu nielen rozšíriť obzory domácich rusistov, ale zaujať i širšiu verejnosť.

Otvára ju prehľadová štúdia Martiny Pálušovej s názvom *Inspirační zdroje současného ruského dramatu a jeho vývoj ve 21. století*, v ktorej autorka pripomína najdôležitejšie momenty zakladajúce dnešnú podobu ruskej divadelnej tvorby. Zmieňujú sa tu v ostatných

rokoch vydané výbery ruských divadelných hier v českých i slovenských prekladoch (k tým slovenským patrí predovšetkým zborník *Ruská dráma*, ktorý v roku 2008 vydal bratislavský Divadelný ústav v prekladoch Evy Maliti-Fraňovej a Romany Maliti – doplníme, že posledná menovaná navyše v r. 2013 vydala teatrologickú monografiu s názvom *Dramatička Oľga Muchina a nová ruská dráma*), internetové portály zaoberajúce sa ruskou drámou, mená najvýznamnejších súčasných autorov či súťažné festivaly, prehliadky a ocenenia sprevádzajúce nástup tzv. novej dramatiky od 90. rokov minulého storočia až po súčasnosť.

Autorka state sa ďalej pokúša podrobnejšie osvetliť samotný termín *nová dráma* – ukazuje sa pritom, že ide o pojem vymedzujúci skôr určité časové obdobie než špecifickú

autorskú poetiku. Isté spoločné ideovo-estetické východiská sa však u autorov zaraďovaných do tohto prúdu vysledovať dajú: „Termín nové drama vznikl jednak jako název festivalu, zároveň označoval skupinu podobně smýšlejících autorů, kteří vnesli svěží vítr do tehdy stagnujícího dramatického žánru. Podle programového prohlášení hnutí má zápleтка nového dramatu odrážet reálnou událost, zážitky skutečných lidí. Ve skutečnosti však neexistují hranice, ani přesná definice, podle kterých by se dalo určit, která hra je novým dramatem a která ne“ (s. 13). Podobná neistota pri vytyčovaní hraníc rodiaceho sa umeleckého prúdu či žánru je ale asi namieste – jeho definitívne zaradenie do tej či onej umenovednej priehradky bude možné asi až v momente, kedy sa sám stane do istej miery „završeným“. V záverečnej časti citovanej štúdie je súčasná ruská dráma zasadená do širšieho divadelno-historického kontextu, a to v pohľade domácom (nadväznosť postperestrojkového „čierneho realizmu“ na tvorbu Maxima Gorkého) i medzinárodnom (vplyvy poetiky *coolness* či britských In-Yer-Face Theatre a Royal Court Theatre).

V druhej teoretickej stati sa Zdeňka Vychodilová detailne zaoberá jazykovou stránkou súčasnej divadelnej tvorby, predovšetkým s ňou spojenými prekladateľskými úskaliaми. Hneď v úvode upozorňuje na špecifiká prekladu dramatických textov: pripomína pritom slová Jozefa Mistríka, ktorý

už koncom sedemdesiatych rokov minulého storočia tvrdil, že „dramatické texty nie sú menej rôznorodé, variabilné a žánrovo pestré, ako sú lyrické a či epické texty. Dramatický text, to nie je prostý dialóg, ale je to svojský a osobitý slovesný útvar s tempom, rytmom a jazykom odlišným od básne i od epickej prózy“ (s. 19 – 20). Autorka zároveň upozorňuje na možnosti češtiny, ktorými jazyk predlohy nedisponuje – napríklad na morfológické odtieňovanie expresivity v prípade prekladov tzv. prostorečia, tzn. osobitej formy ruského hovorového prejavu, ktorý „nemá v českém jazykovém prostředí obdobu a není tedy ani zastoupen v české lingvistické terminologii“ (s. 23). Preklad divadelnej hry je vždy unikátny aj čo do počtu zúčastnených strán, t. j. ľudí podieľajúcich sa na jeho vzniku a konečnej podobe – ak totiž nepočítame dramatické texty určené výhradne na čítanie, do ich výslednej podoby okrem samotného prekladateľa zasahujú divadelní dramaturgovia, režiséri a neraz i samotní herci. Ide tak o mimoriadne plastický fenomén, ktorý je v mnohom závislý od konkrétnej autorskej koncepcie a scénického uchopenia predlohy.

Výber textov v recenzovanej antológii bol preto vedený aj zámerom predstaviť čitateľom čo najširšiu paletu individuálnych autorských štýlov, výrazových prostriedkov či scénických postupov, „jež poskytují překladateli široký prostor k uplatnění invenčního tvůrčího přístupu

při jejich převodu do češtiny“ (s. 25). V podkapitole *Dramatické texty v překladatelské praxi* potom nachádzame podrobné analýzy vybraných prekladateľských problémov, spojených s jazykovo-kultúrnymi odlišnosťami ruského a českého prostredia (mnohé z nich sa, samozrejme, dajú aplikovať aj na slovenčinu – môžu tak poslúžiť ako inšpiratívny materiál pri výučbe umeleckého prekladu aj na našich katedrách). Pod prekladmi jednotlivých textov sú podpísaní prevažne olomouckí študenti slavistiky pod odborným vedením zostavovateľky antológie, ktorá sa ich, podľa vlastných slov, snažila smerovať od prvotných snáh nahrádzať „za príslušný prostriedek výchozího jazyka jeho plný formální ekvivalent v jazyce cílovém (jak k tomu začínají překladaatelé inklinují)“ k alternatívnym riešeniam, ktoré by boli „funkčně a pragmaticky ekvivalentní“ (s. 25 – 26). V štúdiu sa uvádzajú príklady z oblasti transferu kultúrnych reálií, z ktorých vidieť, aká neľahká musela byť občas voľba medzi tzv. naturalizáciou, exotizáciou a generalizáciou (tzn. nahradením pomenovania špecificky ruskej reálie všeobecnejším domácim pojmom). Voľba adekvátnej lexiky pri prekladateľských *kompenzáciách* je v divadelných hrách snáď ešte smerodajnejšia než v iných typoch umeleckých textov – verbálny prejav postáv na scéne je totiž ich výsostným charakterizačným rysom, ktorý sa nedá „dovysvetliť“ žiadnymi poznámkami

pod čiarou. Dodajme ešte, že okrem spomenutých teatrologicko-translatologických štúdií patria k „sekundárnym“ textom publikácie aj životopisné medailóny jednotlivých autorov spolu so stručnými rozbormi ich tvorby, na ktorých sa už podieľali sami prekladatelia. Neodmysliteľnou súčasťou akademického vydania je dvojjazyčné resumé a podrobná bibliografia.

Prvým v antológii predstaveným textom je *Moskovský zbor* Ludmily Petruševskej o komplikovaných rodinných vzťahoch, kde prakticky každý z protagonistov trpí nejakou bližšie nešpecifikovanou traumou, v metonymickom pláne snáď predstavujúcou akési zosobnenie celospoločenských nálad v dožívajúcom sovietskom systéme.

Nasledujú dve temné Sorokinove grotesky – *Šči* (dystopická vízia o tom, čo čaká Rusko v budúcnosti, keď v ňom zvíťazia zástancovia „zelených“ ideí, ktorí postavia mimo zákon všetko, čo nie je dokonale ekologicky čisté) a *Kapitál*. V tejto hre zamestnanci nemenovanej banky ritualizovaným – a ako je u autora zvykom, značne brutálnym, do krajnosti hyperbolizovaným – spôsobom bilancujú finančné úspechy a neúspechy svojej organizácie.

Komédia Nikolaja Koľadu *Ženská á la Chanel* je po formálnej stránke pozoruhodná tým, že opulentné scénické poznámky či autorské komentáre v nej zjavne nehrajú len pomocnú úlohu, ale tvoria organickú

súčasť rozohrávaného deja s dôležitou rozprávačskou zložkou. Text tak stojí na pomedzí dramatickej a hovorovo ozvláštnenej prozaickej formy, pripomínajúcej tradičný ruský *skaz*: „Stařenky jsou oblečeny do ruských národních krojů – sarafánů. Kroje jsou dlouhé až na zem, tmavomodré, vyšíváné v ruském stylu nepředstavitelně krásnými barvami. Jsou na nich zimní vzory i motivy jarních svátků a čert aby se v tom vyznal, co na těch šatech všechno je! To nejsou šaty, ani sarafány, zkrátka a dobře to je mazec, velký ruský folklorní svátek! Nepředstavitelná nádhera! To nejsou obyčejné stařenky, které se vystrojily, prohlížejí se v zrcadlech a kochají se. Ale jsou to princezny, princezny, královny!“ (s. 89).

Jelena Isajeva sa v antológii predstavuje veršovanou adaptáciou starozákonného príbehu o asýrskom veliteľovi Holofernovi a krásnej Judit, ktorá v takto aktualizovanej (či skôr „romantizovanej“) verzii zvädza tragický súboj medzi pocitom zodpovednosti za záchranu rodného mesta a mučivou láskou k nepriateľovi. Alúzie na staroveké mýty nachádzame aj v Griškovcovom *Obklúčení*, tie sú však vnorené do súčasného „vojenského diskurzu“ – to keď sovietsky veterán z bližšie neurčenej zahraničnej misie porovnáva úpadkovú súčasnosť svojej vlasti s hrdinstvami nedávnej minulosti alebo keď skupinka útočníkov pred bránami nepriateľského mesta pretriasa zmysluplnosť vojny ako takej. Absurditu

konania hrdinov tu autor – podobne ako vo svojej asi najznámejšej monodráme *Ako som zjedol psa* (1998) – podáva prostredníctvom prepiaťto gnómických replík: „Musí se věřit v sílu síly a slabost slabosti, protože ve válce to jinak nejde“ (s. 148).

Ďalším zvučným menom antológie je Vasilij Sigarev, avšak podobne ako Griškovec a ostatní etablovaní autori, aj on sa tu prezentuje skôr menej známou tvorbou. Hra má názov *V mojich myšlienkach* s podtitulom *Katastrofa v jednom dejstve* a ide o monológ cynického karieristu, ktorý doslova kráča životom cez mŕtvoly: nad hrobom poslednej z nich odrieka čosi ako obhajobu pred vlastným svedomím – natoľko nepresvedčivú, že jej, zdá sa, neverí ani on sám. V súčasnej ruskej dráme vôbec prevládajú pochmúrne tóny, s humorným nadľahčením sa stretávame len vzácné – výnimku tu tvorí montypythonovská buffonáda Maxima Kuročkina *Tityos Bezúhonný* s persiflážnymi odkazmi na Shakespeara.

Ruská divadelná produkcia posledných desaťročí je tiež charakteristická jadrnými výrazovými prostriedkami, v ktorých nie je núdza o slang či vulgarizmy predstavujúce „jazyk ulice“. Takto zafarbenú lexiku nachádzame takmer v každom z predstavených textov, pričom niekde navrhované české ekvivalenty pôsobia viac, inde menej vhodne. Treba si však uvedomiť, že v prekladateľskej praxi patrí prevod slangových výrazov z dôvodu ich extrémne

rýchleho zastarávania a neraz i úzko lokalizovaného využitia k tomu najťažšiemu, takže predstavuje neľahký oriešok aj pre oveľa skúsenejších prekladateľov.

V snahe o dosiahnutie maximálnej autenticity v zobrazovaní skutočnosti dnes viacerí divadelní autori siahajú k dodatočne takmer neupravovanému „surovému materiálu“ z bežného života. Uplatňujú sa pritom rôzne metódy, medzi najpoužívanejšie patrí napr. technika *verbatim*, ktorú medzi prvými začal raziť anglický režisér a producent Stephen Daldry, v Rusku sa ňou zas preslávilo nezávislé moskovské divadlo Teatr.doc. Vďačným objektom záujmu súčasných tvorcov sú tak okrem iného aj internetové príspevky na sociálnych sieťach, tínedžerské „chatovanie“ či SMS správy – východiskový materiál, s ktorým pracuje napr. Jelena Gremina v hre *September.doc* alebo Pavel Priažko v hre *Gatky*. Oba texty podčiarkujú odosobnenosť dnešnej digitálnej komunikácie, ktorá však čoraz častejšie preniká aj do „analogového“ sveta. Zodpovedá tomu aj psychologické vykreslenie postáv, ktoré sú – podľa postrehu Patrika Vargu, jedného z prekladateľov – „často prezentovány nikoliv jako lidská individua, nýbrž jako neurčité „rozpité“ stíny, které jsou životem unášeny tu na jednu, tu na druhou stranu“ (s. 256). Takto poňatá poetika *novej drámy* samozrejme predpokladá aj iný spôsob recepcie, než na aký sme zvyknutí: „Divák

tak nemá možnosť se s hrdinou sžít nebo s ním aristotelovsky soucítit“ (tamže). S tým nepriamo súvisí ďalšia charakteristická črta: v prípade niektorých textov sa ťažko ubrániť dojmu, že boli koncipované práve len ako *texty* – určené skôr na individuálne či scénické čítanie než na tradičné činoherné stvárnenie (čo, mimochodom, divadelní teoretici považujú za jeden z aktuálnych trendov). K takým patrí napríklad jednoaktovka *Oci!* od Semiona Kirova – trúchlivý monológ opusteného starca, ktorý v závere svojho života hodnotí nezvládnutý vzťah so synom.

Z bohatej plejády autorských osobností *novej drámy* nemožno nezmeniť Ivana Vyrypajeva, považovaného za jedného z najoriginálnejších experimentátorov s divadelnou formou i jazykom (u nás je azda najznámejšia jeho hra *Kyslík*, ktorá bola aj rozhlasovo spracovaná – v preklade Romany Maliti ju uviedlo Rádio Slovensko v roku 2009). V recenzovanom výbere nájdeme jeden z jeho posledných autorských počinov, hru *Tanec Dillí*, ktorá bola medzičasom adaptovaná aj do filmovej podoby. Podobne ako v spomínanom *Kyslíku*, aj tu sa výpovede jednotlivých protagonistov refrénovite a reťazovito variujú, podávajúc komplikovaný, emóciami nabitý vzťahový „prepletenec“ z minimalistickej perspektívy niekoľkých kľúčových momentov.

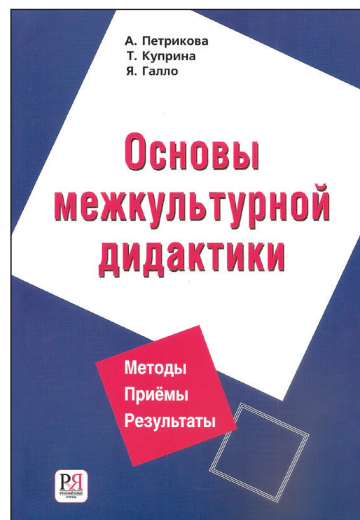
To, že publikácia obsahuje pomerne veľké množstvo dramatických textov (všetky v rámci recenzie

ani nebolo možné predstaviť, spomenuli sme len tie z nášho pohľadu najzásadnejšie či žánrovo najpríznačkovejšie), má svoje silné i slabé stránky. Výhodou je široký záber, vďaka ktorému si každý milovník súčasného divadla iste nájde to svoje, slabinou zas nutná fragmentárnosť (vynechávanie príliš dlhých pasáží), ktorá v niektorých prípadoch – najvýraznejšie asi v *Ostrove Rikotu* od Natalie Mošinovej, *Pohanoch* Anny Jablonskej či v hre *Kto zabil Dantesu* od Olega Bogajeva – sťažuje

porozumenie zmyslu textu, resp. neumožňuje jeho plnohodnotnú čitateľskú interpretáciu. Na druhej strane, prehľadová antológia si zrejme ani nemôže klásť podobné ambície: jej cieľom bolo predovšetkým predstaviť aktuálnu divadelnú produkciu v Rusku tak, aby potenciálny divák získal celostný pohľad na najnovšie trendy v tejto oblasti a vedel sa v nich zorientovať. A to sa zostavovateľom tohto výberu nepochybne podarilo.

Marián Pčola

Петрикова, А. – Куприна, Т. – Галло, Я.:
Основы межкультурной дидактики.
Москва: Русский язык. Курсы, 2015. 376 с.
ISBN 978-5-88337-416-5.

О технологии межкультурного обучения

Основой межкультурного обучения принято считать развитие у студентов-иностранцев межкультурной компетенции, направленной, как правило, на успешное общение людей, разных по происхождению и месту проживания, и преодоление у них этноцентризма. Главным при этом выступает диалог культур, рассматриваемый в научной литературе как способ восприятия своей культуры, обретающей индивидуальность и самобытность только при осознании существования другой культуры. Быстро распространившиеся идеи коммуникативной лингвистики, психолого-деятельностной теории и концепция развития индивидов в диалоге культур становятся

основой коммуникативного метода обучения иностранному языку. При этом овладение иноязычной культурой в процессе межкультурной коммуникации является конечной целью такого обучения. Соответственно, вполне закономерным можно считать возникновение в современной методике преподавания иностранного языка понятий *межкультурная дидактика* (см. также монографию А. Н. Утехиной «Межкультурная дидактика» (Москва, 2012) и *межкультурно-коммуникативный метод* иноязычного обучения. Полностью логичными выглядят утверждения, что теория межкультурной коммуникации невозможна без методике межкультурной коммуникации как системы обучающих воздействий и что они должны быть отражены в содержании

образования, воплощены в методах, средствах и организационных формах обучения межкультурной коммуникации. С этой точки зрения межкультурную дидактику можно также рассматривать как технологию межкультурного обучения.

Современная профессиональная деятельность учителя иностранного языка не представляется возможной без усвоения ключевых знаний по теории и практике обучения, а также по дидактике межкультурной коммуникации, основу которой составляют знания по общей культуре и историческим межкультурным связям народов. При этом сходства и различия в системах их ценностей и интересов, как правило, занимают центральное место в обучении. В соответствии с вышесказанным, учебник «Основы межкультурной коммуникации» является актуальной и своевременной работой, вполне способной подготовить новое, современное поколение учителей иностранного языка.

Так, межкультурная дидактика включает в себя совокупность не только основных знаний из области общей дидактики, но также и специфических – например, страноведческих и культурологических знаний, основных представлений о ценностях, времени, пространстве, а также партнёрской культуре и т. д. Безусловно, важными остаются и вопросы

обучения навыкам межличностного общения. Всё вышеперечисленное находит отражение в рецензируемой работе.

В учебнике содержатся дефиниции базовых понятий и категорий межкультурной коммуникации и лингводидактики, представлены современные зарубежные теории и методики преподавания иностранных языков, раскрываются особенности вербальной и невербальной коммуникации в поликультурной аудитории. Вместе с тем учебник пропагандирует ведущие методологические подходы в межкультурной коммуникации – культурологический, межкультурный и коммуникативный, при которых подготовка специалиста – будущего учителя иностранного языка – предполагает как развитие культурного кругозора и ценностных позиций обучаемых, преодоление ими этнокультурных стереотипов, так и освоение моделей межличностного взаимодействия и способность использовать их в межкультурных контактах. Важными аспектами в обучении, вслед за другими учёными-методистами, авторы пособия считают стратегии осознанного отношения к собственной культуре и создание языковой и психологической готовности к общению. Принципы подготовки учителя к межкультурной коммуникации здесь представлены в системе правил и требований, предписывающих отбор

содержания, методов и форм работы. Практическое решение педагогических задач мы находим в 5 главе учебника, в частности, при описании кейсового метода обучения (case-study).

Особое место в рецензируемом пособии отводится вопросу кросс-культурной адаптации. Так, авторы учебника обращают внимание обучающихся на кросс-культурные модели Г. Хофстеде и Р. Льюиса, позволяющие «понять особенности кросс-культурных взаимодействий ... в современной системе образования» (с. 104). Эти знания, вероятнее всего, окажутся необходимыми при более широком понимании межкультурной коммуникативной парадигмы образования и усвоении студентами таких понятий, как, например, «коллективизм» и «индивидуализм», «дистанция власти в семье и школе» и т. д. А типы национальных культурных профилей, разработанные учёными на основе отношений людей различных национальностей ко времени, деятельности, природе, работе и т. п., наверняка станут полезными при самоиндефикации студентов и осознании ими культурных отличий друг друга.

Формирование и развитие коммуникативно-ориентированной личности, способной безболезненно вступать в межкультурное общение, облегчается при билингвальном обучении, что обосновывается

и подчёркивается авторами учебника. И хотя билингвальное образование как педагогический феномен существует уже давно, о его результативности и эффективности в современных условиях глобализации и интеграции общества упоминалось достаточно хаотично. Плюсом рецензируемого учебного пособия является и то, что его авторы посвящают данной проблематике целый раздел, а несколько отдельных подразделов отводят методике проведения билингвального урока.

Вместе с тем авторы учебника не обошли вниманием и вопросы современных подходов в образовании и стратегий их реализации, а также нетрадиционных методов и технологий преподавания. Этому посвящены 4-я и 5-я главы пособия. Хочется подчеркнуть, что значительное место в книге отводится личности будущего педагога, его профессиональному поведению, в том числе и влиянию невербального поведения преподавателя на учебный процесс, подготовке педагога к преподаванию и непосредственно к уроку иностранного языка. В конце учебника размещены «Глоссарий по билингвальному образованию» и 3 приложения, которые, несомненно, будут полезными для начинающего преподавателя или студента-практиканта.

Таким образом, учебник «Основы межкультурной дидактики» сочетает в себе как новые

теоретические знания из области дидактики, билингвального образования и межкультурной коммуникации, так и сведения по практическому освоению иностранного языка в различных типах общеобразовательных учреждений. Пособие предназначено непосредственно для преподавателей и студентов градуального и постградуального образования, а также для всех тех, кто интересуется вышеуказанными вопросами обучения, в частности, проблемами преподавания русского языка как иностранного.

К учебнику прилагается «Гипертекстуальный практикум по межкультурной коммуникации». Это, как подчёркивают авторы во введении к указанному электронному носителю, уже второе издание пособия. По сравнению с первым изданием, пользоваться вторым вариантом практикума, по нашему мнению, гораздо проще и легче, так как он выполнен на основе новейших компьютерных технологий. Новизна его заключается в том, что в нём представлены не только самые известные российские города – Москва и Санкт-Петербург, – но и Уральский регион России (с. 5). Сам практикум имеет структуру гипертекста, хорошо известного современному пользователю Интернета. Таким образом, с практикумом можно работать непосредственно на занятиях, а также дома – самостоятельно.

Он красочно иллюстрирован картами, рисунками, фотографиями, носящими, как правило, культурологический характер. В нём размещены и отрывки из произведений художественной литературы, сказки. Кроме того, материал практикума представлен в виде модулей, работа с которыми, по замыслу авторов, возможна с учётом различных уровней подготовки учащихся, что, на наш взгляд, является наиболее ценным. После каждого раздела (их в работе 14) даются упражнения, списки использованных источников, затем – ключи к заданиям. Практикум также включает в себя 3 текстовых приложения и 7 музыкальных. Нужно отметить хороший выбор музыкальных композиций – они являются популярными в России и за рубежом, дополняют и обогащают подобранные языковые иллюстрации. Методические рекомендации, например, по работе над песней и стихотворением, по нашему мнению, также вполне аргументированы, так как в практикуме в виде учебного материала предложено достаточное количество песен и поэтических произведений. Кроме того, методические рекомендации обычно являются составным компонентом любого образовательного модуля.

Однако, как нам кажется, для того, чтобы практическая часть учебника действительно соответствовала модульному типу,

необходимо её дополнить в конце каждого раздела контрольными упражнениями или тестами. Ведь, как известно, каждый модуль должен состоять из информационной, исполнительной (операционной или практической) и контролирующей частей. Таким образом, мы рекомендуем в следующее издание практикума включить контрольный компонент. Вместе с тем, по нашему мнению, 12-й раздел – «Обобщающие упражнения и задания» – также необходимо дополнить различными упражнениями, поскольку на данный момент он состоит всего из двух заданий. В разделе «Упражнения повышенной сложности» первые три задания являются прямыми вопросами, а не предполагаемыми упражнениями-заданиями. Поэтому мы также рекомендуем или уточнить название этого раздела, или

переформулировать эти три вопроса в виде заданий к упражнениям. Все вышеперечисленные замечания, безусловно, носят исключительно рекомендательный характер и никоим образом не снижают теоретическую и практическую значимость и ценность рецензируемой работы.

Анализируемый учебник «Основы межкультурной дидактики» А. Петриковой, Т. Куприной и Я. Галло соответствует современным научным представлениям о работах подобного типа и, по нашему мнению, заслуживает самой высокой оценки. Считаем также немаловажным подчеркнуть, что работа с ним облегчит и упростит современный учебный процесс в иностранной аудитории.

Елена Калечиц

Константинова, Даниела – Башир Гечова,
Владимира: **Словашки език самоучител
в диалози**. Велико Търново: Грамма, 2016.
192 s. ISBN 978-954-2943-09-9.

Slovensky komunikačne a efektívne

Bulharskému záujemcovi o štúdium slovenského jazyka sa dostáva do rúk nová učebnica slovenčiny pre samoukov v dialógoch: *Словашки език самоучител в диалози. Slovenčina pre Bulharov* (Велико Търново, 2016).

Pod túto učebnicu sa podpísal bulharsko-slovenský tím dvoch skúsených učiteliek slovenského jazyka v zložení: doc. Daniela Konstantinova, PhD., vysokoškolská učiteľka na Velkotrnovskej univerzite svätého Cyrila a Metoda vo Velkom Trnove a lektorka slovenského jazyka Univerzity sv. Klimenta Ochridského v Sofii Vladimíra Bashir Gěčová.

Obidve autorky publikácie sa už dlhé roky zaoberajú výučbou slovenského jazyka v bulharskom jazykovom prostredí a tak učebnica pre samoukov je len prirodzeným

naplnením ich pedagogických kompetencií a ambícií.

Ide o moderný druh učebnice metodicky založenej predovšetkým na komunikačnom vyučovacom prístupe, ktorý na malom priestore poskytuje efektívny spôsob učenia sa slovenského jazyka s možnosťou zvládnutia základov komunikácie v tomto jazyku v takom časovom období, ktoré závisí od intenzity štúdia jednotlivca.

V úvode publikácie autorky predstavujú slovenskú abecedu a základné pravidlá slovenskej výslovnosti. Učebnica sa delí na sedem kapitol, ktoré obsahujú tieto tematické oblasti: Zoznamovanie a predstavovanie, Pozdravy a oslovenia, Rodina a dom, Vzdelanie a práca, Nakupovanie a služby, Cestovanie a dovolenka, Zdravie a šport.

Štruktúra každej lekcie je rovnaká, čo v nej umožňuje rýchlu a bezproblémovú orientáciu. Každá lekcia obsahuje komunikatívnu a gramatickú časť. Komunikatívnu časť tvorí 10 – 12 krátkych dialógov, za nimi nasleduje základná slovná zásoba každého tematického celku, dôležité slová a výrazy. Gramatickú časť tvorí komentár, v ktorom sa vysvetľuje základné gramatické učivo a krátky test, ktorý preveruje vedomosti osvojené v konkrétnej lekcii.

Dialógy vychádzajú zo štandardných modelových situácií (zahŕňajúcich aj typické slovenské reálie) a odrážajú jazykovú realitu. Ide o dialógy dvoch, niekedy aj troch účastníkov rozličného veku, sociálneho statusu a rozličnej národnosti. Dialógy sú radené stĺpcovo v slovenskom a bulharskom jazyku, pod nimi je slovensko-bulharský slovník s neznámymi slovíčkami a slovnými zvratmi. Slová použité v dialógoch sú vybrané s prihliadnutím na tému lekcie. Dialógy sú nahrané na CD nosiči a sú prílohou učebnice. Audionahrávky pomáhajú samoukovi pri osvojovaní si správnej slovenskej výslovnosti, ako aj pri upevňovaní nových lexikálnych a gramatických javov.

Nasleduje časť *Важни думи и изрази*, ktorá sumarizuje najdôležitejšie slová a slovné spojenia viažuce sa k tematickej oblasti tej-ktorej lekcie.

Gramatická časť každej lekcie má názov *Коментари*. V komentároch sú zhrnuté základné gramatické informácie týkajúce sa podstatných

a prídavných mien, zámen, čísloviek a sloviess. Najväčší dôraz sa kladie na pády v slovenčine, pretože bulharský jazyk ako analytický typ jazyka pády takmer nepoužíva. Táto časť slovenskej gramatiky je najväčším problémom Bulharov učiacich sa slovenský jazyk. Gramatická časť obsahuje mnoho príkladov, ktoré pomáhajú objasniť konkrétny gramatický jav. S prihliadnutím na skutočnosť, že učebnica je určená všetkým vekovým kategóriám a sociálnym skupinám, je gramatika vysvetlená jednoduchou, nenáročnou, prístupnou a zrozumiteľnou formou.

Záverečná časť každej lekcie *Проверка на наученото* obsahuje repliky dialógov, v ktorých je potrebné doplniť rozličné slová a/alebo ich správne gramatické tvary.

Na konci publikácie sa nachádza príloha obsahujúca tabuľky so skloňovacími vzormi v slovenčine.

Nespornou výhodou tejto publikácie ako učebnice pre samoukov je to, že záujemca o štúdium slovenčiny postupuje svojim vlastným tempom (ku kontrole slúži vypracovaný kľúč), ako aj to, že frekventant si sám vyberá čas a miesto štúdia (učebnica má malé rozmery a mäkkú väzbu, zmestí sa do kabelky, ruksaka, pracovnej tašky, preto sa na štúdium slovenčiny môže využiť každá voľná chvíľa, napríklad aj čas pri cestovaní v autobuse alebo vo vlaku a pod.).

Učebnica je určená pre samoukov – začiatočníkov, ale je vhodná pre každého, kto začína študovať

slovenský jazyk, zároveň je vítanou doplnkovou učebnou pomôckou aj pre učiteľov a lektorov slovenského jazyka na vysokých školách v bulharskom jazykovom prostredí. Je to moderná a praktická učebnica súčasnej slovenčiny, vďaka ktorej sa možno pri systematickej práci v pomerne krátkom čase posunúť z úrovne A0 na úroveň A1 až A2 podľa Spoločného európskeho referenčného rámca.

Domnievame sa, že na bulharský knižný trh sa dostala potrebná

a užitočná učebnica, ktorá rýchlym, nenáročným a efektívnym spôsobom naučí základy slovenčiny tých bulharských záujemcov, ktorí z rozličných osobných a pracovných dôvodov potrebujú komunikovať v slovenskom jazyku. Veríme, že záujem Bulharov o túto publikáciu podnieti autorky k práci na jej pokračovaní v podobe učebnice slovenčiny pre samoukov pre úroveň B1 a B2.

Eleonóra Zvalená

DOCENT GERHARD BALÁŽ – VEDEC, PEDAGÓG A ORGANIZÁTOR RUSISTICKÉHO DIANIA NA SLOVENSKU

Doc. PhDr. Gerhard Baláž, CSc. (* 1930 – † 2016) bol významný slovenský jazykovedec a vysokoškolský pedagóg. V rokoch 1949 – 1953 študoval ruský a slovenský jazyk na Filozofickej fakulte Slovenskej univerzity v Bratislave (dnes Univerzita Komenského). V čase jeho vysokoškolského štúdia viedol katedru ruského jazyka a literatúry zakladateľ profesionálnej slovenskej rusistiky profesor A. V. Isačenko, ktorý čarom svojej osobnosti a znalosťami ruskej filológie motivoval najnadanejších študentov k hlbšiemu záujmu o teoretické poznanie, resp. vedecké bádanie v oblasti rusistiky. Jedným z výnimočne nadaných študentov bol aj doc. Baláž, o čom svedčí skutočnosť, že hneď po skončení štúdia – od r. 1953 sa stáva kmeňovým pedagógom na tejto najstaršej a najprestížnejšej slovenskej univerzite, na katedre ruského jazyka a literatúry, kde pôsobí spočiatku ako asistent, odborný asistent, neskôr docent až do roku 1995. V rokoch 1975 – 1992 bol zástupcom vedúceho katedry, v rokoch 1992 – 1995 preberá vedenie katedry na poste vedúceho pracoviska. Ako člen, resp. predseda komisie pre obhajoby kandidátskych dizertačných prác vo vednom odbore jazykoveda konkrétnych jazykových skupín – ruský jazyk sa vo veľkej miere zaslúžil o prípravu kvalifikovaných vedeckých a pedagogických pracovníkov pre vysokoškolské rusistické pracoviská v celoslovenskom kontexte.

Vysokoškolské štúdium ruského a slovenského jazyka v mnohom predurčilo aj smerovanie jeho vedeckej i publikačnej činnosti. Celý svoj profesijný život zasvätil komparatívnemu výskumu týchto dvoch slovanských jazykov a výsledky svojho bádania premietol do tvorby vysokoškolských učebníc, resp. učebných textov, učebníc ruskej gramatiky pre stredné školy, v neposlednom rade aj do odborných štúdií a článkov publikovaných v zborníkoch z vedeckých konferencií, odborných časopisoch u nás i v zahraničí. Záslužná bola jeho redakčná činnosť, či už ako predsedu alebo člena redakčných rád mnohých vedeckých rusistických zborníkov, alebo aj v rusistických časopisoch (Ľudové kurzy ruštiny, Ruštinár, Ruský jazyk a i.).

Z vysokoškolských učebníc treba osobitne vyzdvihnúť publikáciu *Sovremennij russkij jazyk v sopostavlenii so slovackim. Morfologija* (Bratislava, 1989), ktorej bol spoluautorom. Táto vysokoškolská učebnica má nadčasový charakter a dodnes patrí k základným učebným textom morfológie ruského jazyka na slovenských univerzitách. Viaceré vysokoškolské učebné texty boli nasmerované aj na problematiku ortografie, fonetiky a fonológie ruského jazyka. Výsledky porovnávacieho výskumu publikoval v celom rade štúdií

a článkov, napr. *K voprosu sopostavitelnogo izučenija grammatičeskogo stroja russkogo i slovackogo jazykov* (Praha, 1982), *Tradície konfrontačného štúdia ruštiny na Slovensku* (Bratislava, 1989), *Grammatičeskije varianty slovackogo i russkogo glagolov* (Regensburg, 1994), *Razvitije i dostiženija sopostavitelnogo izučenija russkogo jazyka v Slovakii* (Bratislava, 1995) a mnohé ďalšie.

Docent Baláž významnou mierou prispel k skvalitňovaniu výučby ruštiny na stredných školách. Ako spoluautor učebníc *Príručná gramatika ruského jazyka pre stredné školy* (Bratislava, 1974), *Krátka gramatika ruského jazyka* (Bratislava, 1976), *Gramatika ruštiny pre stredné školy* (Bratislava, 1991), ktoré zaznamenali celý rad reedícií, sa zaslúžil o rozvoj metodiky výučby ruského jazyka na našich gymnáziách i stredných odborných školách.

Na sklonku minulého roka, v decembri r. 2016 sa slovenská jazykovedná verejnosť rozlúčila s docentom Gerhardom Balážom. Odišiel vedec, vynikajúci pedagóg a organizátor rusistického diania na Slovensku, osobnosť s nevšedným človečenským rozmerom. Zostáva tu však jeho vedecký odkaz v podobe hodnotných knižných i časopiseckých publikácií, ako aj mnohí jeho žiaci, ktorí pokračujú v jeho diele na rôznych postoch v našich vedeckých i vzdelávacích inštitúciách.

Eva Dekanová

AUTORI ČÍSLA

Prof. Henadz' Cychun, DrSc.

Jazykovedný ústav Jakuba Kolasa, Centrum výskumu bieloruskej kultúry, jazyka a literatúry Národnej akadémie vied Bieloruska (Bielorusko)

cychun@mail.ru

doc. PhDr. Mária Hricková, PhD.

Katedra anglistiky a amerikanistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

mhrickova@ukf.sk

Mgr. Marie Ponomarenko

Katedra slavistiky, Univerzita Palackého v Olomouci (Česko)

maremariam@gmail.com

doc. PaedDr. Zdeňka Matyušová, Ph.D.

Katedra slovanských jazyků a literatur, Oddělení ruského jazyka a literatury,

Pedagogická fakulta Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích (Česko)

matyus@pf.jcu.cz

Mgr. Marián Pčola, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

mpcola@ukf.sk

к. филол. наук, доцент Елена Ивановна Калечиц

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

akalechyts@ukf.sk

PaedDr. Eleonóra Zvalená, PhD.

Veľkotrnovská univerzita sv. Cyrila a Metoda vo Veľkom Trnove (Bulharsko)

znora@centrum.sk

doc. PhDr. Eva Dekanová, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

edekanova@ukf.sk

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 6, 2017, 1

Toto číslo vyšlo v júni 2017

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky a sadzba:
PhDr. Ľuboslav Horvát

Rozsah: 62 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464